

Светлана Талан

Расколотое небо

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9091348

*Расколотое небо: роман / Светлана Талан: Клуб Семейного Досуга; Харьков, Белгород; 2015
ISBN 978-966-14-8493-0, 978-966-14-8321-6, 978-5-9910-3122-6, 978-966-14-8492-3*

Аннотация

Украина, 1930-е годы. Варя выросла в зажиточной семье, в которой умели и любили работать, потому и хозяйство имели крепкое. Но пришли иные, лихие времена. Началась коллективизация, и все, что люди заработали своим потом, нужно было отдать... Кто знал, какая страшная беда ждет эти щедрые земли! Невозможно было представить, что голодная смерть опустошит все вокруг. Потеряв мужа, родственников, Варя осталась одна с маленькими детьми. Кто сможет их спасти?

Содержание

Филиал ада на земле	5
Часть первая. Черножуковы	7
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	17
Часть вторая. Время размышлений	20
Глава 4	20
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	31
Глава 8	34
Часть третья. Паутина	38
Глава 9	38
Глава 10	40
Глава 11	43
Глава 12	45
Глава 13	49
Глава 14	53
Глава 15	56
Глава 16	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Светлана Талан

Расколотое небо

© Талан С., 2014

© DepositPhotos.com / eddiephotograph, Reanas, deltaoff, saphira, mikeexpert, Givaga,
обложка, 2015

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2015

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2015

Филиал ада на земле

Это как раз такая история, которую невозможно читать без брома. И именно такая, которую невозможно не читать, которую должен прочесть каждый украинец. Пусть говорят: несвоевременно, достаточно горестей и трагедий, давайте о светлом и оптимистичном. Но это то, что нельзя забывать. То, что нельзя сконденсировать в одну строку в учебнике истории. То, что коренным образом изменило всех нас, даже тех, кого тогда еще не было и в планах нескольких следующих пятилеток... Отзвуки голода есть в каждом из нас, в каждом потомке тех, кто выжил.

В романе Светланы Талан «Расколотое небо» – та Луганщина, которую целеустремленно уничтожали самым страшным из всех возможных способов: морили голодом. Здесь было все: и детские пальчики в чугуне с кипятком, и собачье рычание истощенной голодом женщины, и опухшие, потрескавшиеся конечности, из которых течет сукровица, и подводы с трупами, и ребенок, который пытался напиться собственной крови, но так и окоченел, и отцеубийства. Местных жителей еще и истязали репрессиями, вывозили в Сибирь, вычеркивали – не только из нормальной, но и вообще из жизни – всеми самыми жестокими способами. Окруженные границами энкавэдэшников украинские села, из которых не выпускали никого, – и другие, русские села, в каком-то десятке километров, где люди хоть и бедствовали, но не голодали...

По силе передачи сверхсложных эмоций и перипетий жизненных катастроф Светлана Талан приближается к нобелевской лауреатке Герте Мюллер¹. По глубине и четкости изображения деталей голода 1932–1933 годов роман «Расколотое небо» схож с «Марией» Уласа Самчука². По уровню понимания и отображения карательной системы СССР роман близок к «Саду Гетсиманскому» Ивана Багряного, признанного классика украинской литературы XX века. Можно проводить еще много параллелей с разными авторами, но, как бы там ни было, творчество Светланы Талан остается абсолютно самобытным явлением.

Под звездами нет ничего нового: любовь, которая прошла испытание временем и страшными обстоятельствами; любовный треугольник, где третьего лишнего определяют и удаляют высшие силы; дети-цветы, которые чудом выживают; зло, которое переходит все пределы, и всепобеждающее добро...

Герои романа «Расколотое небо» не раз и не дважды называют иродами тех, кто творит беззаконие, прикрываясь законами. Все старания понять логику действий активистов-коммунистов терпят поражение, попытки отыскать человеческие черты в тех, кто стал орудием истребления собственного народа, оказываются напрасными. Единственное объяснение, которое кажется более-менее реалистичным, несмотря на всю свою фантастичность, – то, что на украинской земле 20–30-х годов XX века орудовал дьявол. Небольшое село Подкопаевка на Луганщине превратилось в филиал ада, которым, как мы уже хорошо знаем, в то время стала большая часть Украины.

Сама земля здесь пропитана кошмаром, на каждом метре – литры крови и тонны проклятий... Непрощенные, неотпущенные души до сих пор кружат здесь, и, чтобы исправить это, надо назвать поименно всех и молиться, молиться, молиться чистыми тихими молитвами. Нам всем, всей Украине, всем миром. Молиться и просить прощения за то, что наши

¹ Герта Мюллер (род. в 1953 г.) – немецкая поэтесса и писательница, общественный деятель, художник. Лауреат Нобелевской премии по литературе 2009 года с формулировкой «с сосредоточенностью в поэзии и искренностью в прозе описывает жизнь обездоленных». (Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.)

² Улас Самчук (1905–1987) – прозаик, журналист и публицист, видный деятель украинской диаспоры.

предки не остановили этот ужас. За то, что не смогли, не умели или не знали. За расколотое небо над их головами, чтобы оно стало единым над нашими...

Ольга Хвостова

*Ой, упали же да упали кровавые росы На тихенькие-тихие поля.
Мой народ! Темный и босой! Пусть святится твое имя!*

Евгений Плужник. Галилей

*В тридцать третьем году ели люди лебеду, Пухли люди с голода,
умирали на ходу. Отощали все люди, падали, как мухи, Крапивою-
лебедою не наполнишь брюха.*

Егор Мовчан. Дума о голоде

Часть первая. Черножуковы

Глава 1

Лето 1929 года

Полнолицая луна зависла в темном вечернем небе, созерцая утихшее и утомленное за день село. Сверху хорошо были видны соломенные крыши, смахивавшие сейчас на шляпки старых и перезрелых грибов. Хаты села Подкопаевка разлеглись полосами-улицами, будто разорвалась низка бус, ее бусинки рассыпались в разные стороны, покатались да и замерли под кронами развесистых деревьев, среди тенистых садилов, где-то между кустами и буйной зеленью огорода. Лишь несколько хат сверкали в холодном лунном свете железными кровлями, словно щеголяя блеском перед скромными своими соседками, натянувшими на головы соломенные шляпки. Наверное, они с завистью поглядывали днем на новую диковинную крышу, которую в селе называли бляхою, поскольку та днем необычно отражала солнечные лучи, ослепляя тусклые глаза скромных своих сестер. «Придет ли время, когда с нас сбросят трухлявые соломенные шляпы и их уже не будет кромсать разъяренный осенний ветер? Скоро ли наденут модные, надежные, железные, чтобы уже не бояться ни ветров, ни большого снега?» – мечтали хаты, глядя прищурившись на блестящие кровли домов местных богачей Черножуковых.

Так было днем. Но вот наступил тихий и кроткий, как весенний дождик, вечер. Постепенно утих сельский гвалт. Смолкли и задремали сытые коровы, в конюшнях притихли лошади, уснули даже шумные гуси и утки. Люди заперли сараи и хлева, прикрыли навесы, спеша под крыши домов. Хаты тоже притихли, чтобы хозяева смогли спокойно отдохнуть после очередного летнего трудового дня. Постепенно свет в окнах погас, и село, наверное, погрузилось бы в сплошную темноту, если бы не эта полнолицая улыбающаяся луна на звездном небе да свет в одной из горниц Черножуковых. Там до сих пор суетилась молодая и красивая, как сам мир, младшая дочка Павла Серафимовича Черножукова – Варвара, или Ласточка, как ее часто называл любящий отец, или Мавка, как Варю иногда за глаза величали односельчане.

– Варька, это ты? – донесся с кровати хриловатый сонный голос Вариной бабушки.

– А кто же еще? – улыбнулась Варя. – Кто еще здесь может быть?

– Не спишь? – спросила старушка, поворачивая голову на голос внучки.

– Сейчас буду ложиться, – ответила Варя. Она достала из-за лежанки вязаные шерстяные носки, подошла к бабке. – Вот, носочки наденем и будем спать, – сказала она мягко, будто ребенку.

Да и не ребенок ли ее бабушка Секлета? Через пять лет старушка отметит столетие, и уже давно она немощная и совсем слепая. Варя была еще маленькая, когда в глазах бабушки потускнел божий свет, их закрыла молочная пелена тумана, оставив старушке возможность жить воспоминаниями о прошлом, которые все чаще тоже укрывала лоскутками мгла. Бабушка постоянно мерзла, поэтому даже летом спала под одеялом, а на ночь Варя надевала ей теплые носки и жилет, которые сама связала из овечьей шерсти. Старушка послушно позволила втиснуть свое высохшее желтое тело в теплую одежду.

– Так лучше? – спросила Варя, заботливо подоткнув бабушке под бока теплое одеяло.

– Хорошо, хорошо, – произнесла старушка.

– Молочка налить?

– Нет, не хочу. Ложись уже спать, завтра родители разбудят до восхода солнца.

– Сейчас. Вы спите, бабуля, спите.

Варя дождалась, пока дыхание старушки выровнялось, потушила лампу и тихонько выскользнула на улицу. Луна уже поднялась высоко, залив все вокруг серебряным светом. Девушка невольно бросила взгляд на большую родительскую хату, возвышавшуюся на другой стороне просторного двора. Ее построил отец своими руками вместо той, где жила бабушка, но старушка упрямо не хотела перебираться в новое жилище. «Я сюда выходила замуж, здесь детей рожала, здесь мне и руки на груди сложат», – сказала как отрезала. Перечить ей не стали, потому что в семье старость уважали. Поэтому отец и мать Вари жили в новом доме, а девушка осталась возле бабушки в старенькой хате, под соломой и с глиняным полом.

Варя прошла мимо собачьей будки. Мохнатый рыжий увалень Туман загремел цепью, высунув голову и втягивая носом воздух. Варя тихонько окликнула его, чтобы пес случайно не залаял, прислушалась. Вокруг стояла мертвая тишина, лишь иногда подавала голос чья-то собака, слышав поблизости соседского кота. Девушка приотворила калитку, слегка ее приподняв, чтобы не закрипела, вышла со двора. Кажется, вокруг никого. Варя повернула направо, миновала свой новый дом, бросив на него взгляд: высокий, с большими окнами, с железной крышей. Его ей строит отец, как он говорит, «на приданое моей Ласточке». Если все пойдет хорошо, то осенью справят новоселье. Вот тогда Варя станет полноправной хозяйкой и просторного двора, и дома с высоким крыльцом под крышей, и сможет вволю вслушиваться в тихое поскрипывание новых половиц. Правда, девушка еще не знала, как оставлять бабушку одну в старенькой хате, но сейчас ее не это волновало.

Варя на мгновение остановилась. Казалось, сердце от волнения так стучит, что может разбудить соседей. Девушка прислушалась: не следит ли кто за ней? На миг показалось, что где-то под заборами или за соседскими плетнями мелькнула темная тень. Несколько минут Варя стояла, замерев и боясь даже вздохнуть полной грудью. Неужели Василий Морозенко следит за ней даже ночью? Днем попадает на глаза там, где его не ожидаешь, выныривает, как привидение. Говорила уже, и не раз, чтобы оставил ее в покое, а он не обращает внимания. Никак не хочет этот Василий понять, что не люб он ей, совсем не люб! Мало ли красавиц в селе?! Так нет, прицепился к ней, как репей к кожуху. И что он в ней нашел? Обычная девушка, худенькая, грудь маленькая, тонкие руки и ноги, простое лицо. Разве что пушистые светло-русые длинные косы... Папа иногда шутит, говоря, что ее косы толще талии.

Девушка, застыв, постояла несколько минут и снова шмыгнула вдоль по улице, затем свернула в переулок, который узенькой, по-змеиному выгнутой лентой тянулся вниз до самой левады. Варя легко побежала, ни на мгновение не теряя бдительности. Она вслушивалась в каждый звук, но, кроме стрекотания сверчков в густой траве по обе стороны дорожки и фыркания лошадей на лугу, ничто не нарушало тишины.

Потянуло приятной влагой с озера. Варя даже видела его очертания в туманной дымке, молочной пеленой нависшей над притихшей водой. Казалось, на землю присело легкое облачко, замечталось, да так и замерло, купаясь в лунном серебре. Но у девушки не было времени любоваться окрестностями. Озеро осталось справа, а Варя, еще раз пугливо оглянувшись, быстро направилась туда, где застыли в немом ожидании тонкокосые стройные березки. Не в силах больше себя сдерживать, девушка ринулась напрямик, обжигая ноги росистой травой. Сердце безумно заколотилось, когда она заметила знакомую фигуру под деревом. Еще мгновение – и она в объятиях любимого!

– Ты пришел! – выдохнула она, ловя его торопливые горячие поцелуи.

– Дорогая, любимая, милая моя, – горячо зашептал юноша, целуя ее лицо. – Как я мог не прийти? Я летел на крыльях, а не шел! – пылко говорил он, прижимая ее к себе, а Варя подумала, что еще миг – и она захлебнется от счастья.

Они с самой ранней весны почти каждую ночь тайно встречаются на этом месте, а чувства не ослабевают, напротив, становятся все крепче. Она думает о нем каждое мгновение, каждую минутку, и от таких мыслей сердце наполняется приятной щемящей болью.

– Моя Варенька, моя любимая... – Андрей с восторгом посмотрел в ее прекрасные влажные глаза цвета неба. Из них лился теплый свет, окутывая парня нежностью, а само лицо с тонким носиком и полными губами в лунном сиянии казалось бледным и будто лучилось. Их лица сошлись так близко, дыхание смешалось, и они наслаждались этим сладким мгновением. Андрей не мог оторвать взгляда от ее глаз, сияющих счастьем. – Как же я тебя люблю! – прошептал он.

– И я тебя! – страстно ответила Варя. – Так люблю, что самой страшно становится!

– Почему?

– Не знаю, – она пожала худенькими плечиками, – потому что глупая.

Варя потрепала темные волосы Андрея, буйно вьющиеся на висках. Из-под усов парня блеснула улыбка, осветила все лицо, и оно стало круглее. Он обнял Варю за плечи, прижал к себе. Влюбленные молча зашагали между березами, дремавшими под лунным сиянием, распустив свои длинные косы. Около широкой березы они остановились. Андрей снял старенькую полотняную рубашку, расстелил на густой сочной траве. Варя села на нее, не отпуская его руку. Пьянящий запах ясноглазых ромашек, нежного росистого клевера, плечи и руки любимого – все вместе горячей волной окутало девушку, затуманило мысли, и ее губы потянулись навстречу горячим губам юноши. Все растворилось в лавине страсти и желания, растекшейся по телу.

– Люби меня, дорогой, люби без памяти, – прошептала она, обнимая теплое мускулистое тело Андрея. Хотелось растаять в нем до конца, до последнего вздоха. – Люби так, будто это в первый и в последний раз.

– Да, любимая, да, – словно прошелестели его губы.

Варя и Андрей сидели некоторое время молча, прильнув друг к другу.

– Так бы всю жизнь, – мечтательно произнесла Варя.

– Так и будет, милая моя, – отозвался юноша и крепче прижал к себе Варю, обнимая за плечи.

– Правда?!

– Да, – подтвердил он, а потом прибавил: – Если твой отец позволит нам пожениться.

– А почему ты думаешь, что он будет против?

– Потому что ты такая...

– Какая?

– Хорошая, красивая! – восхищенно произнес парень.

– Красивая? – улыбнулась Варя. – Мама говорит, что такую худую и недокормленную никто замуж не возьмет.

– Глупости! Ты – самая лучшая! Ты – необыкновенная!

– Потому что в лесу знаю каждую птичку? Знаю, где их гнездышки, где белка прячется в дупле и когда у нее будут детеныши? Поэтому необыкновенная?

– Не зря же тебя за глаза иногда Мавкой называют, – прошептал юноша.

– Чепуха! Лишь бы не ведьмой.

– А еще ты грамотная и умная, – говорил Андрей. – Ты закончила церковно-приходскую школу, а я кто? Неграмотный, даже читать не умею.

– Я научу тебя! Разве ты виноват в том, что твой отец ушел под лед на зимней рыбалке, а мать так сломала ногу, что до сих пор с двумя палками еле передвигается? Ты правильно сделал, что взял на себя заботу о младших братьях. Главное, чтобы человек, рядом с которым я проведу всю жизнь, был порядочным, чтобы любил меня.

– Если бы это же понимал твой отец, – вздохнул Андрей. – Кто он и кто я? Он – богач, имеет двух батраков, и огород, и поля, и сенокосы, и даже вот эту березовую рощу. А у нашей семьи – клочок земли и пять ртов. Знаешь, как люди говорят: «На кривое дерево и козы скачут». То одежда нужна, то обувь, а о еде я уже молчу – только и думаешь, чего бы поесть.

– Ну и что?!

– О таких, как я, говорят: как не было добра смалу, не будет и до конца, – грустно сказал Андрей.

– Ну что ты такое говоришь?! Ты же меня любишь, а я – тебя. Отец души во мне не чаёт, неужели же он не желает мне счастья? Не враг же он мне?

– Вот потому-то все чаще общается с Василием. А тот в рот твоему отцу заглядывает и поддакивает, наверное, в зятья уже набивается. А как этот Василий на тебя смотрит! Глаза бы ему выколол, чтобы не только на тебя не тарашился, а и света белого не видел!

– Ревнуешь? – улыбнулась Варя. – Мне этот Василий нужен как дыра в мешке!

– Зато у него около пяти гектаров земли, лошадь, корова, телочка да и еще разная живность. Заберет тебя Василий у меня. Что я тогда буду делать?

– Это если я пойду за него. Зачем мне чужая скотина? У нас своей хватает. Я же у папы поздний и самый младший ребенок, поэтому и такая любимая. После сестры Ольги и брата Михаила мама родила четырех девочек, и все они умирали в первые дни жизни.

– А почему?

– Наверное, потому, что мама отдыха не видит, вся в тяжком труде, вот и детишек рожала в поле, на работе. А тут я им на радость родилась, хиленькая, но живучая, потому и любят они меня без памяти. И дом новый построили, и хозяйство немалое держат, чтобы было мне и моему мужу и на стол, и к столу. Могут ли они пойти против нашего общего желания? Думаю, нет, – мечтательно сказала Варя. – Вот соберем урожай, смелем зерно, мне осенью исполнится двадцать лет, я постепенно подготовлю родителей, тогда и поженимся. Главное, чтобы сейчас никто не узнал, чтобы слухи о нашей любви не свалились на них как снег на голову. А потом заживем как люди. И все у нас будет хорошо.

– Твои слова да Богу в уши!

– Так и будет! Я это чувствую! Сердцем, душой чувствую! – горячо говорила Варя. Андрей перехватил ее взгляд, глаза сияли счастьем. – Раскрою тебе маленькую тайну, – почти прошептала Варя и хитровато прищурилась. – Отец говорил как-то, что отпишет березовую рощу мне в приданое. Ты можешь представить: все это место будет наше с тобой? Мы сможем приходить сюда когда захотим, днем и ночью, ни от кого не скрываясь.

– Моя ты мечтательница! – промолвил он с любовью. – А если отец будет настаивать на браке с Морозенко?

– Тогда я поговорю с Василием. Он сам откажется от меня.

– И что же ты ему скажешь?

– А это уже мое дело! Я знаю, что сказать! – уверенно произнесла девушка и прибавила: – Любимый мой, мне нужно возвращаться домой – вставать придется, едва сереть начнет.

– Я провожу тебя до самого двора, – предложил парень.

– Нет, – тихо, но решительно ответила девушка. – Только до улочки.

В маленькую хату, где посапывала во сне бабушка, Варя принесла запах лугов, скошенного сена, тысячелистника и тайной любви. Девушка улеглась в постель, когда за окном еще спали синие тени и с неба с любопытством поглядывала на село желтая луна.

Глава 2

Все большое семейство Черножуковых, празднично разодетое, вышло из церкви после воскресной утренней службы. Варя сняла с головы чистенькую белую косынку, тряхнула головой. Две толстые косы с пушистыми расплетенными кончиками метнулись змеями по спине. Павел Серафимович отошел на обочину пыльной дороги, тянувшейся наверх, к церкви, сел на старый трухлявый пенёк, крикнул, важно провел ладонью по пышной бороде.

– Да иди уже обутый! – посоветовала жена Надежда, зная о намерении мужа.

– Ага! – хмыкнул Павел Серафимович. – Так и пошел!

– Вот так всегда! – вздохнула женщина и улыбнулась Варю.

– Отца уже не переделаете, мама, – произнесла Ольга, ее дочка, на что Варя прыснула, но сразу же прикрыла рот ладонью. Отец глянул на нее из-под густых бровей, но не сердито, а добродушно.

– Тебе лишь бы зубы скалить! – бросил он младшей дочке с упреком. – Вот будет у тебя муж, узнаешь, как те сапоги долго и тяжело зарабатываются и быстро изнашиваются, – сказал Павел Серафимович, снимая кожаные сапоги, начищенные так, что блестели на солнце.

– Когда это еще будет, – зарделась Варя.

– Не знаю когда, но Василий, как мне показалось, не на иконы на службе смотрел, а на тебя.

– Скажете такое! – Щеки Вари залил румянец. – Нужен он мне, как пятое колесо к телеге.

– Не знаю, не знаю. Говорил слепой: «Увидим». Так-то оно лучше! – сказал глава семейства. Он поднялся – высокий, крепкий, широкоплечий, – довольно улыбнулся, связал веревкой сапоги, перебросил их через плечо.

К Павлу Серафимовичу подходили крестьяне, уважительно здоровались, перебрасываясь словечком. Кто-то сказал, что возле колодца за селом сидит кобзарь Данила.

– Давно его не было видно, – заметила мать.

– Мама, папа! Можно я пойду песни Данилы послушаю? – спросила Варя.

– Да иди, доченька, – ответил отец, – воскресенье же сегодня, можно немного отдохнуть. А ты, Оля, пойдешь?

– Куда мне с моим выводком? – устало отозвалась Ольга. – Я домой, хоть часок какой-то отдохну.

– Меня можете не спрашивать, – вмешался в разговор сын Павла Серафимовича Михаил. – Мне нечего там делать.

– А это почему? Не хочешь песни послушать? Услышать, что в мире делается? – обратился отец к сыну.

– Не хочу слышать болтовню слепого старца! – грубовато ответил Михаил. – Нашли кого слушать!

– Не нравится – ступай домой. – Отец нахмурил брови.

– И пойду! Пока, папа, пока, мама. – Михаил натянуто улыбнулся. – Идем домой! – приказал жене и детям. Отец с грустью посмотрел вслед сыну, тяжело вздохнул, но промолчал.

– Я тоже пойду, – сказала Ольга.

– Приходите все к нам на ужин, – обратилась к ней мать.

– Посмотрим, – неуверенно ответила дочка.

– Папа, мама, а вы пойдете послушать старого Данилу? – спросила Варя.

– Ты иди, а мы с матерью заглянем домой, возьмем ему какой-нибудь гостинец и придем.

– Я с Ганнусей пойду! – весело сказала Варя, потому что уже заметила среди толпы, двигавшейся от церкви, свою подружку. Ганнуся, увидев Варю, подняла руку с белым платочком, помахала ей.

С Ганнусей Варя дружила с раннего детства. Отец подруги Иван Теслюк много лет был батраком у Черножуковых, поэтому к ним во двор часто прибегала его старшая дочка Ганнуся. Родители Вари всегда угощали ее чем-нибудь вкусненьким, и темноволосая веселая девчушка чуть ли не каждый день бывала у них. Варя так сдружилась с Ганнусей, что считала ее сестрой. Однажды отец Ганнуса попросил Павла Серафимовича взять на работу и дочку, ведь в семье еще было четверо младших детей. Павел Серафимович согласился. А почему бы и нет? Конечно, в посевную и жатву у них на поле трудилось едва ли не полсела, но работы хватало на каждый день – нужно было и за скотом присматривать, и огород обрабатывать. «У самих здоровья не прибавляется, платить есть чем, да и Вале веселее будет», – подумал он и не ошибся. Девчонки были вне себя от счастья, а Ганнуся оказалась проворной и трудолюбивой. Это Варя худенькая и бледная, а ее подружка роста невысокого, но крепко сбитая, полненькая, щечки розовые, пылают, а уж если за работу возьмется – все в ее руках прямо горит!

– Варя! – подбежала к подруге запыхавшаяся Ганнуся. – Идем Данилу слушать? Уже полсела пошло! – затараторила девушка и вытерла платочком вспотевшее чело.

– Пойдем и мы! – Варя взяла подругу под руку и оглянулась. Ей ужасно хотелось хотя бы на мгновение увидеть Андрея, но того не было видно.

– Андрея высматриваешь? – толкнула ее локтем в бок подруга.

– Шш! – зашипела на нее Варя. – Еще кто-нибудь услышит.

– Я его не видела. А вот Василий на тебя так пялился! – Ганнуся вытаращила глаза и прибавила: – Как они у него не вылезли!

Подруги рассмеялись и побежали по тропинке с горы, взявшись за руки.

На краю села, около оврага, по обе стороны широкой дороги уже собрался народ. В тени развесистого калинового куста стоял небольшой колодец, который с десятков лет назад выкопали люди на средства кобзаря. Вот почему старый Данила Перепелица всегда занимал свое почетное место на скамье у колодца с чистой ключевой водой, которая в любую жару оставалась такой холодной, что прямо зубы сводило.

Кобзарь не случайно выбрал это место для колодца. Откуда он знал, что там есть источник, одному ему было известно, но каждый раз, странствуя, мог отдохнуть у дороги в тени и утолить жажду. Как-то Данила сказал, что таких колодцев по миру на собственные средства он сделал уже шесть. В этом никто не сомневался, люди знали: старый бандурист не бросает слов на ветер. Он ходит по свету и знает, что где творится, как живут люди в других городах и селах. Поэтому и спешили подкопаевцы на встречу с кобзарем, чтобы узнать новости. Ему верили, к его словам прислушивались, потому что знали: там, где другие молчат, правду скажет только он. Кого ему бояться? Вольный как ветер! А какое удовольствие послушать думы о запорожских казаках! Сколько же он их знал! И о казаках, которые попали в турецкую неволю, и о казацком счастье, и о Байде, Марусе Богуславке, о Богдане Хмельницком и Петре Сагайдачном, о Самойле Кошке и братьях Самарских. Иногда мужики после того, как разбредутся женщины и разбегутся детишки, просили деда спеть и неприличные песни. Кобзарь не всегда соглашался, но иногда пел им шуточные песни, а мужики ржали так, что листья на калине тряслись.

Когда Варя с Ганнусей подошли к колодцу, свободного места на колоде уже не было. Поэтому девушки примостились сзади на мягком ковре густого спорыша. Слепой кобзарь Данила сидел на скамье в черной расхристанной рубашке, держа в руках бандуру осторожно и с любовью, как мать держит младенца. Его длинная седая борода достигала впалой груди. У ног лежала старая фуражка, а поводырь, мальчик-подросток с бельмом на правом глазу,

сидел рядом на земле, подложив под себя котомку. Он не смущаясь уминал за обе щеки большой пирог с маком, которым его кто-то угостил, и запивал молоком из кувшина.

– Что вам, люди добрые, спеть? – спросил Данила, легонько коснувшись узловатыми пальцами струн и подгрифов кобзы, словно проверяя, все ли они на месте.

– Какую-нибудь грустную песню! – сказал кто-то из слушателей.

– Зачем начинать с печали? Что-нибудь душевное спой! – отозвался женский голос.

– Лучше уже об отце Богдане!

– Люди добрые, – сказал Данила, подняв голову. Он прищурил слепые глаза, будто всматривался в бездну синего неба и мог его видеть. – Послушайте о вдове Ивана Серка.

Сразу стало так тихо, что было слышно лишь чирикание неугомонной птички где-то в гуще калинового куста. Кобзарь зашипнул ногтями струны, и ожили они звуком.

В городе Мерефе жила вдова,
Старенькая вдова,
Серчиха-Иваниха.
Семь лет не видела она Ивана,
А было при ней двое сыновей —
Серченко Петр и Роман.

Полилась песня из уст исполнителя, а бандура³ – как живая в его руках. Большой, указательный и средний пальцы бандуриста касались струн, а слушателей так пленила музыка, что им казалось: это затронуты струны души. И уже плачет душа вместе с вдовой, сыновья которой поехали искать родного отца и погибли. А голос бандуриста сильный, будто и лет на него нет. А когда дошел до слов о том, как плакала вдова, к земле припадая, одна из женщин негромко заняла, и на нее сразу шикнули: «Тихо ты!»

Что уж теперь на моей голове три печали обретают:
Первая печаль, что я семь лет ожидала,
Серка Ивана в глаза не видела;
Другая печаль – что Серченка Петра на свете живого нет;
Третья печаль – что Серченко Роман умирает.

Кобзарь закончил.

Струны протяжно зазвенели, будто рассеивая среди толпы печаль вдовы. Женщины уже не сдерживали слез – всхлипывали и вытирали их кончиками платков. И умеет же этот Данила растревожить душу!

– Бандура у тебя, Данила, как живая, – сказала пожилая женщина. Она уже не плакала, но слезы еще катились по вспаханному морщинами лицу.

– И правда, – прибавил усач, сидевший на колоде. – Забрел как-то в наше село один кобзарь, хотел порадовать песнями. И работы было полно, а мы, дураки, повелись, бросили все, пришли послушать. А он брэнчит на ней, будто дразнит тебя, нет ни песни, ни музыки. Так прогнали мы его взашей, сказали, чтобы больше здесь не показывался.

– Да! Да! Было такое! – зашумели люди.

– Тогда мы поняли, что лучше нашего Данилы никто не сыграет, – продолжил мужчина.

Старый кобзарь чуть заметно усмехнулся себе в усы. Его частенько в разных селах называли своим, хотя он нездешний, с Полтавщины, но вряд ли это кому-то было интересно знать.

³ Этот инструмент называют и кобзой, и бандурой. (Примеч. авт.)

– То был не настоящий кобзарь, – сказал старик. – Сейчас их развелось, как блох у собаки.

– А у тебя инструмент заказанный, что ли? – насмешливо спросил кто-то.

– Кобза не заказана, но прошла ритуал освящения.

– Как это?

– Люди добрые, знаете ли вы, что бандура – единственный инструмент, который проходит освящение? – спросил бандурист и коснулся пальцами голосника, вырезанного посредине деки в виде цветка с шестью лепестками.

– Сделана из хорошей древесины, вот и звучит хорошо, – сказал молодой парень. На него сразу же недовольно взглянули мужики постарше: молоко на губах не обсохло, а он здесь калякает.

– Да, – согласился Данила, – древесина и работа мастера тоже имеют значение. Моя бандура сделана из ели, и таким мастером, которых уже не осталось на свете. Но имела бы она такой голос, если бы не прошла две степени посвящения? Сомневаюсь.

– Даже две?

– Да. Первый ритуал называется одклинщина⁴. Он состоялся возле святого храма, где не было ни одной посторонней души, лишь я под небом и Бог наверху. Тогда я, еще молодой и красивый, дал обет избранному пути. И знаете, сколько я тогда молитв прочитал? – спросил старик, не ожидая ответа. – Целых шестьдесят!

– Ого! И все знал наизусть? – спросил удивленный юноша.

– А то как же?! Я слепой с рождения, – ответил Данила и продолжил: – А второй обряд называется вызвилка⁵. Тогда я принес клятву из суровых присяг. Вот так! – сказал старик и тяжело вздохнул. – Я мог бы еще много интересного вам рассказать, но вы пришли не за моими воспоминаниями, поэтому послушайте песню «Сокол и соколенок».

Данила выдержал паузу, пока стихли голоса, и опять коснулся струн бандуры. Он знал, как растрогать людей. Разве могла оставить безразличными слушателей песня о соколе, который полетел в чистое поле «живность добывать, не добыл, дитя потерял»? Шли стрельцы, беспомощное дитя «в цепи запутали и понесли в город на рынок». Облегченно выдохнули слушатели, когда узнали, что Иван Богословец «большое имел милосердие», серебряные цепи с ног снимал, понес на гору и выпустил птицу на волю.

Дай, Боже, здоровье на многие лета
Всем православным христианам,
На многие лета,
До конца века!

Такими словами завершил свою песню бандурист.

У женщин и девушек еще не высохли слезы, а они уже улыбались – так красиво заканчивается песня! Люди благодарили бандуриста, но не аплодировали – не принято. Понесли гостинцы Даниле и сироте-поводырю. На расстеленной старой дырявой дерюге, которая, наверное, служила им и одеялом, и одеждой в ненастье, появились и хлеб, и пироги, и кусочки сала, и сыр, и молоко в кружечках, а в фуражку клали деньги.

Варя с Ганнусей послушали рассказ старика о том, как недавно в городе ревнивый муж зарезал свою молодую жену и новорожденного мальчика, а чтобы не упало на него подозрение, вложил в руки покойницы нож. Он сжег свою окровавленную одежду, а сам

⁴ Одклинщина – кобзарский ритуал благословения на самостоятельную работу (разрешение «ходить по миру» на определенной территории и не больше одного года). (Примеч. авт.)

⁵ Вызвилка – кобзарский ритуал, дающий равные права (право голоса, свободного передвижения «на все четыре стороны», право иметь своих учеников и др.). (Примеч. авт.)

такой крик и шум поднял, что никто и не догадался бы ни о чем, если бы уже после похорон не нашли в печке кусок его несгоревшей окровавленной рубашки. И кто нашел? Соседский мальчик, который пришел к «убитому горем» мужчине, чтобы помочь убрать в доме.

– Не приведи Господи! – крестились женщины.

Варя еще немного покрутилась в толпе. Она кивнула отцу, который как раз выкладывал гостинцы для бандуриста и собирался повести с ним разговор о более важных делах в мире, и обратилась к подруге:

– Может, пойдем отсюда? Дальше будут неинтересные мужские разговоры.

– Пойдем! – согласилась Ганнуся.

Девушки взяли за руки и побежали в село. «Андрюша почему-то не пришел», – мелькнуло в Вариной голове, но вскоре она уже отвлеклась от мыслей о любимом, потому что они с подругой отправились поесть.

– А твой отец не будет ругаться? – поинтересовалась Ганнуся, когда от пирога с маком остался маленький краешек.

– Да ты что?! – засмеялась Варя. – Ты же хорошо его знаешь. Отец строг к другим, а душа у него добрая и мягкая. Знаешь, как он меня любит?!

– Знаю. Ласточкой называет. Странно как-то.

– Что же здесь странного? – спросила Варя, ставя кружку с молоком на большой круглый стол, застеленный белой вышитой скатертью.

– Никто в селе своих детей так не называет – не принято.

– А у меня папа такой! – с гордостью сказала Варя. – Он и поругает, и пожалеет, когда надо. А какие бусы он мне привез из города! Хочешь, покажу?

– И молчала! Неси же!

Варя потащила подругу к большому дубовому сундуку. На нем был замок, но девушка быстренько принесла ключ.

– Ой-ой! – Ганнуся испуганно оглянулась. – Разве можно?

– Можно! Папа с мамой еще долго будут кобзаря слушать, нескоро вернутся.

Варя достала две низки бус – красную и синюю, – приложила к груди.

– Какие лучше? – спросила она, засияв в улыбке.

– Ой! Какие чудненькие! Тебе и те, и те идут!

Варя покрутилась перед подругой, а потом заметила, как тень печали промелькнула по лицу девушки.

– Дашь когда-нибудь на праздник надеть? – спросила Ганнуся, коснувшись пальцами девичьей радости.

– А тебе какие больше понравились?

– Красные.

– Бери. – Варя протянула красную низку и широко улыбнулась. – Бери, бери! Это мой тебе подарок!

– А... Как же отец? – растерялась Ганнуся. Она заморгала, а потом уставилась на бусы, все еще не осмеливаясь взять их в руки.

– Я потом ему признаюсь, – махнула рукой Варя. – Не бери в голову, это уже моя забота. Ты же мне как сестричка. Разве нет?

– Да. – Ганнуся в конце концов взяла бусы, поднесла к глазам. – Какие же они красивые! Прямо сияют!

– Носи на здоровье!

– Спасибо! – Девушка опомнилась, обняла подругу, расцеловала в обе щеки. – Ты и правда моя сестренка!

– А еще я вот что тебе покажу, – таинственно произнесла Варя и склонилась над сундуком. Оттуда она достала новенькую керосиновую лампу с большим стеклом. – Это мне папа купил в новый дом! – гордо сказала Варя.

– О-о! Я такой еще никогда не видела! – Ганнуся восторженно рассматривала лампу, которая действительно была очень красивая. Большая, роскошная, с зеленым снаружи и белым внутри фарфоровым абажуром, она не могла не вызывать восхищения.

– Она так ярко светит! Это – двенадцатилинейная⁶ лампа. Я ее повешу к потолку в самой большой комнате! – похвасталась Варя.

– Завидую я тебе, Варя, – сказала Ганнуся.

– Не надо, зависть – это зло. Я же с тобой поделилась бусами, зачем же мне завидовать?

– Все у тебя есть, – вздохнула Ганнуся.

– Не грусти. – Варя обняла подругу за плечи. – Вот соберем осенью урожай, заплатим налоги, тогда папа мне новые сапожки купит, а я тебе свои отдам. Они еще хорошие, мало ношенные.

– А отец позволит?

– Позволит! Я его уговорю. Теперь не будешь повторять, что мне завидуешь?

– Нет. Как хорошо, мои-то совсем продырявились. Их можно будет подлатать и отдать донашивать младшей сестренке, – быстро и возбужденно заговорила Ганнуся. – Ой! Что же это я все о себе? Хотела об Андрюшке спросить. Все бегаешь к нему на тайные свидания?

– Да. Не знаю, чем это закончится, – взгрустнула Варя. – Чует мое сердце беду.

– Какая там беда? – сказала Ганнуся, пряча за пазуху бусы. – Поженитесь, будете жить и как сыр в масле кататься!

– Поженимся ли? – промолвила задумчиво Варя. – Я знаю, что делать! Схожу-ка я к Уляниде, пусть она мне карты раскинет.

– Да что ты к ней ходишь? Она же ненормальная.

– А почему же тогда бежите к ней за помощью, если что-то случится? – возразила Варя. – Когда какая беда – все бегом к Уляниде. Кто-то обжегся – к ней, зубы заболели – туда же, потому что умеет она боль зашептать, живот свело – к ней за травами. А если все хорошо, то Улянида – дурочка! Нет, она немного странная, но все знает наперед. Святую правду говорит! Уляниде все ведомо.

– А нужно ли нам знать, что когда-то будет?

– Не знаю, – пожала плечами Варя. – Я хочу выяснить, поженимся мы с Андреем или нет, – сказала девушка, решив наведаться в одинокую избушку Уляниды, примостившуюся на самом краю села.

⁶ Цифра в керосиновых лампах означает ширину фитиля и измеряется в линиях (1/12 дюйма), указывающих на мощность лампы. (Примеч. авт.)

Глава 3

Ольга собиралась стирать, когда к ней зашел брат Михаил. Она попросила его поставить большие чугуны с водой в печь, потому что носила седьмого ребенка и до родов оставались считанные дни, но брат быстро ушел, сославшись на срочные дела. Ее мужа Ивана тоже не было дома, а со свекрови и свекра какой прок? Старые и немощные, хоть самих на руках носи. И старшую дочку Олесю тоже грех заставлять поднимать такую тяжесть. Шестнадцать лет исполнилось девке, а она такая маленькая, худенькая и бледная, глянуть страшно. И не голодает, а не растет никак. Ее подружки такие пышногрудые, ноги у них, как бутылочки; у Олеси же не ножки, а палочки. Куда ей поднять такие чугуны с водой? Еще в талии переломится. Не в мать пошла девчонка. Ольга высокая, статная, руки полные и крепкие, что муж не осилит – сама сделает, не переломится. Так что пришлось Ольге самой таскать воду из колодца, наполнять чугуны и засовывать их в печь. Едва управилась – поясницу свело, ни согнуться, ни разогнуться. Ойкая и проклиная нелегкую женскую долю, она прилегла, да и то лишь на несколько минут. Не привыкла валяться в постели, с детства была приучена родителями к работе, так что, едва боль отступила, поплелась собирать белье для стирки. Ольга взяла полотняные простыни, дерюги, понесла их к специальному бочонку для замачивания белья, который стоял во дворе под забором. Сложенное белье опустила в бочонок, наклонилась, чтобы утрамбовать. Большая семья – стирки хватает. В животе так больно кольнуло, что женщина громко вскрикнула, схватилась за низ живота, присела.

– Мама, что случилось? – Из коровника выскочила перепуганная Олеся, подбежала к матери. – Что, уже начинается?

– Нет. – Ольга вяло улыбнулась. – Кажется, прошло.

– Так отдохните, я сама справлюсь, – сказала Олеся и ловко сложила белье. Его было столько, что бочонок наполнился до самого верха.

Олеся прикрыла белье тряпкой из грубого неотбеленного полотна, насыпала пепла.

– Мама, идите в хату, отдохните, а то еще родите раньше времени, – приказала Олеся так по-взрослому, что Ольга не удержалась, улыбнулась.

– Хорошо, помощница моя, – сказала она ласково, отчего милое лицо девочки прямо засветилось. От матери услышать доброе и ласковое слово – такая редкость, хотя Олеся всегда пыталась ей угождать. Разве виновата она, что родилась слабенькой и хилой?

Ольга, переваливаясь с боку на бок, как откормленная жирная утка, пошла в хату, прилегла. Действительно, надо немного полежать. Пока закипит в чугунах вода, она отдохнет, а там наведается Варя, поможет залить белье в бочке кипятком. Вечером вернется домой Иван, она возьмет валёк, и вместе пойдут на озеро стирать.

Ольга проснулась от дикого крика Олеси. Вскочила, побежала на шум. Посреди комнаты валялся перевернутый чугун. В клубах пара стояла дочка и изо всех сил кричала – ноги ее были красные.

– Мама, я обварилась! – трясла руками от боли Олеся. – Я не хотела! Я только хотела помочь!

– Зачем ты их брала?! Пусть они стоят, те чугуны! Господи, что же делать? – заголова Оляга.

К счастью, вовремя появилась Варя.

– Олеся, солнышко, ты можешь сама идти? – спросила Варя.

– Да, – сквозь слезы ответила девушка.

– Тогда сейчас же идем к Уляниде! – скомандовала Варя.

– И я с вами! – покачиваясь, двинулась за ними Ольга.

– Сиди уже дома! – махнула ей рукой Варя. – Мы сами справимся.

Она взяла Олесю под руку, и девушки вышли со двора. «Добрая, мягкая душа у Вари, – подумала Ольга. – То в лесу выпавших из гнезда птенцов подбирает и сажает на место, то брошенного зайчонка принесет из лесу и выкормит, чтобы потом выпустить на волю. Готова всем помочь, последнюю рубашку с себя снять и кому угодно отдать. А так нельзя... Избаловали ее родители дальше некуда. И как она собирается жить дальше?»

Улянида помазала обожженные места на ногах Олеси какой-то мазью, положила прищипки из трав, накрыла ноги увлажненными полотенцами. Потом дала девушке выпить травяной напиток.

– Идем отсюда, – были первые слова, которые произнесла Улянида с того момента, как Варя привела заплаканную Олесю. Варя не удивилась. Иногда она заходила к этой нелюдимой женщине, поэтому привыкла к ее чудачествам. – Сейчас она немножко поспит, потом я смажу раны еще раз, дам мази, чтобы дома пользовалась. Заживет быстро.

Олеся действительно перестала скулить, как побитый щенок, немножко повсхлипывала и утихла, прикрыв глаза.

– И как тебе это удастся? – шепотом спросила Варя, следуя за Улянидой.

– Что именно? – уточнила женщина и села на скамейку.

– Людей лечить. Я бы тоже так хотела.

– Не нужно, – коротко сказала Улянида.

Вообще-то она была крайне молчалива и неразговорчива, не все в селе и слышали ее грубоватый низкий голос. К ней шли за помощью, ее и проклинали как ведьму, побаивались и сторонились. Только Варя могла ее разговорить. Девушка не боялась Уляниды, не охаивала, как другие. Варю интересовало все: и бесчисленные пучки трав, которые висели повсюду, и мешочки с разными семенами, и сумочки с высушенными лягушками и змеиной кожей. Все в хате Уляниды было наполнено незнакомыми запахами и таинственностью.

– Почему не нужно? – спросила Варя, сев напротив женщины.

– Хочешь узнать, что такое неблагодарность? Тогда сделай людям что-то хорошее.

– Зачем ты так? Если ты к людям с открытым сердцем, с душой, то и они к тебе так же.

– Молодая ты еще, зеленая. Проживешь с мое – не так запоешь.

– А ты можешь мне карты раскинуть? – решила спросить Варя, ведь как знать, когда еще выпадет случай пообщаться с Улянидой.

– Зачем?

– Хочу знать, что меня ожидает впереди.

– Иногда не нужно знать. Лучше не знать.

– Мне очень надо знать, поженимся ли мы с... одним парнем, – призналась Варя.

– Хорошо, – ответила Улянида.

Женщина достала из-под скатерти потертую колоду карт, разложила на столе так, потом – иначе, еще раз перетасовала колоду, опять разложила. Варя с любопытством смотрела то на карты, то на лицо Уляниды. Большой мясистый нос женщины свисал почти до верхней губы, а в маленьких, глубоко посаженных глазах ничего не разглядишь, даже настроения не уловишь. Улянида долго молча смотрела на карты, затем выпрямилась, прищурилась и начала медленно монотонно раскачиваться. Варе стало страшновато. А когда ворожка заговорила, глаза девушки расширились от ужаса.

– Будешь ты замужем, и не раз, – едва слышно сказала Улянида. Варя затаила дыхание, чтобы не пропустить ни одного слова. – Тучи, черные тучи нависли над селом. Они уже совсем низко, а в них горе и слезы, слезы и горе. И плакать по умершим нет уже сил. Сил у людей нет – столько горя вокруг... Мертвецы под ногами, а их некому хоронить – всем безразлично, все хотят жить... И пойдет брат на брата, сына отец проклянет, а сыновья отрекутся от родителей. Такое будет. Скоро. Очень скоро. Своя плоть будет самой вкусной... И родной кровью детей кормить будут. А хлеб станет и жизнью, и смертью.

– Как это? – дрожащим голосом спросила вконец перепуганная Варя. Она пыталась понять, что хочет сказать Улянида, но совсем ничего не понимала.

– И небо, – продолжила Улянида, не услышав слов девушки. – Одно на всех небо будет расколотым.

– Как это?

– И небо расколется пополам, – повторила Улянида. Она открыла глаза и пристально посмотрела Варе в глаза. – Ты хотела услышать правду? Я ее тебе сказала. Все!

Часть вторая. Время размышлений

Глава 4

Кузьма Петрович Щербак, секретарь парторганизации, придя на рабочее место, вспомнил, как утром встретил своего названного брата, местного богача Павла Серафимовича. Казалось бы, что может побратать представителей двух противоположных классов? А все началось в далеком детстве, когда они еще вместе пасли за селом коров. Павлу мать принесла обед: кусок сала, душистый хлеб, сыворотку в кувшине. Тот сел есть, а Кузьма достал одну постную вареную картофелину, начал ее чистить. Есть хотелось так, что прямо гудело в животе, и хоть был из бедной семьи, просить не стал. Вспомнил, что дома еще пятеро братьев и сестер, а кормилица – одна мать, отец умер от чахотки, и неизвестно, осталось ли в хате хоть что-то из еды или нет, а ему вот дали картофелинку, должен же кто-то пасти корову. Тогда Павел подсел к нему, разложил свою снедь, предложил: «Давай вместе». Так и сказал. Если бы угостил куском – не взял бы, отказался, а вместе можно и пообедать. И таким вкусным все показалось, даже мир посветлел. Павел не доел один кусочек сала, отдал Кузьме. «Отнесешь младшим, – сказал он, улыбнувшись. – Скажешь: гостинец от зайчика».

В тот день была страшная жара, поэтому ребята погнали коров ближе к озеру, чтобы там выкупаться. Павел бултыхнулся в воду и поплыл на противоположный берег. Кузьма решил не отставать, но то ли сил не рассчитал, то ли так отошал от постоянного недоедания, – начал тонуть. Павел вытащил его на берег, откачал воду, которой тот наглотался. Кузьма попросил никому не говорить, что случилось, потому что ребята засмеют. Павел дал слово держать язык за зубами, а Кузьма предложил стать ему братом. Чтобы все было по-настоящему, мальчишки ножичком сделали надрезы на руках и, когда потекла кровь, приложили руку к руке и поклялись в вечной дружбе. Может, они бы и дальше дружили, но через несколько лет бездетная тетка из Харькова забрала трех детей на воспитание, взяла к себе и Кузьму. Раз в несколько лет он приезжал в родное село к матери, чаще всего летом, и ребята опять были вместе. Затем жизнь набрала безумные обороты, и Кузьма все реже появлялся в Подкопаевке, а вот теперь приехал навсегда.

Недолго прожила старая Щербачиха при сыне и невестке, через неделю умерла. Казалось, что всю жизнь ждала его и, дождавшись, успокоилась, легла на скамью, сложила руки на груди и тихонько отошла. Кузьма похоронил мать как подобает и принялся прихорашивать старенькую хату. Невелико наследство досталось, да много ли им с женой Марией нужно? Деток у них нет, поэтому места на двоих хватит.

Как-то не находил времени навестить названного брата, а сегодня случайно встретил – обнялись, похристосовались, перебросились парой слов. То ли время остудило отношения, то ли почувствовал Черножуков, что они теперь на разных полюсах? Кузьма Петрович на партийной должности уже не первый год, с достоинством выдержал чистку рядов в апреле этого года, а теперь партия направила его в родное село с важной миссией. На него возложены большие надежды, которые он должен оправдать. Село не выполняет плана хлебозаготовок, хотя большинство живет не бедно. Конечно, выполнить план, который правительство подняло в полтора раза, тяжело, но необходимо, очень нужно для государства. В селе полтысячи хозяйств, и только десяток из них сообща возделывали землю. И что из этого? Весной так-сяк вместе провели посевную, а собирали урожай отдельно. Не оправдало надежд общее пользование землей, потому и возложили на него, принципиального, бескомпромиссного коммуниста со стажем, задачу провести коллективизацию и создать новую общественную собственность – колхоз. Если справится – а обязан, ведь партия не знает слова

«может», есть слово «нужно», – хозяйство получится приличное. Плодородной земли здесь много, такой чернозем, что только держись! Если к подкопаевским угодьям присоединить еще и два хутора, Надгоровку, что немного выше села, и Николаевку, которая ниже, то получится неплохое хозяйство. Вокруг есть и пастбища для скота, и лес, хоть не так уж и много. Хорошее здесь место. А если проехать с десятков километров на восток Луганщины или на юг, то там лишь степи и рвы, неосвоенная земля, где порой на километры тянутся песчаные неплодородные почвы.

Конечно, один в поле не воин, поэтому для координации действий на месте прислали в село уполномоченного от ГПУ⁷ из Ростова-на-Дону Лупикова Ивана Михайловича, коммуниста, участника гражданской войны. Кузьма Петрович уже успел с ним познакомиться и даже подружиться. Иван Михайлович произвел приятное впечатление, правда, был горяч, слишком уж непоседлив и нетерпелив, ему хотелось сделать все и сразу. На место назначения Лупиков прибыл один, без семьи, оставив жену с дочкой в Ростове. Наверное, это было правильное решение. Его миссия в Подкопаевке была временной и нелегкой. Кто его знает, как встретят крестьяне нововведение? Возможно, будут сопротивляться? В селе всегда к новому относились настороженно, а тут им предложат новую жизнь, к которой они не готовы. Кузьма Петрович понимал, что лучше избрать осторожную тактику, чтобы сразу не навредить, не настроить крестьян враждебно против колхозов. Поэтому и не спешил принимать решение, а весь месяц ремонтировал родительскую хату, прислушиваясь к каждому слову жителей села.

А вот горячий молодой коммунист Иван Михайлович сразу рвался к работе, готовый в один день изменить все кардинально. Кузьма Петрович по-отечески, ненавязчиво посоветовал ему обжиться в новом жилище – покинутой хате, подремонтировать крышу, из которой соседи уже повыдергивали немало соломы, прикупить в городе кое-что для хозяйства. А главный совет – не спешить, присмотреться, кто чем в селе дышит. Молодой коммунист, или, как его уже прозвали, «чекист», недовольно пофыркал, но послушался старшего товарища. Некоторое время он приводил в порядок свое жилье, а затем они вместе начали готовиться к первому общему собранию.

Во-первых, нужно было избрать нового председателя сельсовета вместо старого пьянчуги. Для этого на партийном собрании в ряды коммунистической партии приняли Максима Игнатьевича Жабьяка. Он человек порядочный, непьющий, из бедняков. Пополнил ряды партии и Семен Семенович Ступак, коренной житель Подкопаевки, человек честный, справедливый, грамотный, хотя и из бедной семьи. Ему крестьяне доверяли, его уважали за справедливость и рассудительность. Семен Семенович воевал в рядах Красной армии, был ранен. Осколком ему раздробило кости ноги, теперь она не сгибалась и Семен Семенович хромал. Его кандидатуру наметили на председателя новообразованного колхоза, следовало лишь умело подвести к этому людей. Провели также собрания и дополнили ряды комсомольцев несколькими бедняками, ведь на них, молодых и инициативных, возлагает надежды партия, им своими руками строить светлое будущее. Следовало создать крепкую ячейку из коммунистов и комсомольцев, тогда дело коллективизации будет успешно завершено.

Кузьма Петрович поднялся из-за стола, почувствовав в теле весь холод маленькой комнаты сельсовета. Подошел к печке, подбросил сухих дровишек в огонь. Рано началась зима и ударили первые морозы. Мужчина подошел к окну, засмотрелся на безлюдную улицу. В такое ненастье хороший хозяин собаку на улицу не выгонит. А вот и первые прохожие. В скрюченной фигуре Кузьма Петрович узнал старую горбатую Секлету. За ней с вязанками хвороста через плечо плелся ее сын, придурковатый Пантеха. Он то вдруг подскакивал, то по-дурацки скалил зубы, то останавливался, чтобы поковыряться пальцем в носу. Бедные

⁷ Государственное политическое управление. (Примеч. авт.)

люди! И мать-то не совсем в себе, да еще и родила неполноценного сына. Хорошо, что в селе много жалостливых людей, – и еду занесут в их избушку, и кое-какую одежду. Такие, как Секлета и Пантеха, запишутся в колхоз, им-то все равно терять нечего, но какая с них польза?

Вот такие, как Черножуковы, очень нужны. Вся их семья живет богато. Гордей Серафимович – бондарь. Если кому бочка нужна или новый сундук – идут к нему, потому что у него золотые руки. У его жены швейная машинка, одна на все окрестные села, и шьет женщина хорошо, неплохо зарабатывает. А еще у них семь гектаров земли, три лошади, большое хозяйство. У второго брата, Федора Серафимовича, не только восемь гектаров земли, лошади и коровы, но и своя кузница. Но не они тревожили Кузьму Петровича. Чувствовал, что самой большой головной болью станет старший, Павел Серафимович. Названный брат имел в своем хозяйстве пять лошадей, бычка, шесть коров да еще пятнадцать гектаров наилучших земель. К тому же в его собственности были сенокос и березовая роща за селом. И даже не такой значительный достаток беспокоил Кузьму Петровича. Главным препятствием могло стать то, что Павел Серафимович пользовался уважением односельчан. Случатся проблемы – бегут к нему, с ним советуются, к его слову прислушиваются. Кому-то старший Черножуков даст дельный совет, кого-то пожалеет, кому-то поможет и хлебом, и деньгами. Строгий, но справедливый – вот такого перетянуть бы на свою сторону! Но сделать это будет почти невозможно, поскольку с молоком матери он впитал понятия «мое» и «я сам себе хозяин». С дедов-прадедов такие Черножуковы срослись со своей землей, сплелись корнями так, что по живому не отдерешь. Возможно, со временем изменится его мировоззрение и он воспримет общее хозяйство, но сейчас его «мое» для него самое важное. Как его изменить? Как доказать, что за колхозами будущее?

Кузьма Петрович еще долго стоял в задумчивости, глядя в окно, за которым уже сейчас зима припорошила свои владения первым мелким снежком. Он не знал наверняка, как будет действовать дальше, чтобы не спугнуть Павла Серафимовича, а подойти к нему осторожно, может, даже тактично. «Главное – не ранить зверя, потому что перед лицом смерти он может стать опасным, – рассуждал Кузьма Петрович. – Важно, чтобы молодой коммунист не наломал дров – все-таки у него больше полномочий, но меньше сдержанности».

Глава 5

Посоветовавшись, Кузьма Петрович и Иван Михайлович решили не приглашать на первое собрание крестьян уполномоченного из райкома. Целью собрания была не запись в колхоз, а разъяснительная работа и агитация. Требовалось донести до сознания людей, что пришли новые времена, когда нужно отходить от единоличных хозяйств и создать новое, общее, более перспективное хозяйство. Активисты, новоиспеченные комсомольцы, обошли все дворы, чтобы сообщить о собрании в каждом доме. Конечно, можно было этого и не делать, потому что в селе уже не один день только и разговоров, что о чекисте да коммунисте, которых прислали для создания коллективного хозяйства. К тому же недавно побывал «в гостях» бандурист Данила. От него и узнали, что повсюду идет коллективизация и создаются колхозы. Эти новые слова, как и перемены в селах, пугали людей, заставляя советоваться друг с другом. Никто не знал точно, что их ожидает, а ожидание и неизвестность сделали людей осторожными и тревожными.

Собрание должно было состояться в сельском клубе, который находился в бывшем барском имении. Помещение было достаточно большим, потому его разделили на две половины. В одной был клуб, в другой – школа, а сбоку пробиты двери, где в одной комнате обособился сельсовет; вторая, с обтрепанными и потрескавшимися стенами, пока что пустовала – там складывали бумаги, краску и красную ткань для лозунгов, а в углу примостились метла, несколько лопат и лежали дрова. К собранию написали лозунг «План во двор, а хозяин – домой!» и вывесили над сценой рядом с портретом Сталина. Таково было распоряжение Ивана Михайловича, который недавно ездил на совещание в район и где-то заприметил такую надпись. На сцену вынесли большой стол, накрыли красной материей. В ведро с песком воткнули древко с красным знаменем, поставили заранее на сцене, а перед собранием расставили на столе лампы для освещения и графин с водой – тоже нововведение Ивана Михайловича.

Постепенно помещение наполнялось человеческими голосами. Крестьяне подходили, здоровались, усаживались на длинные скамейки. Мужчины пыхтели папиросами и негромко переговаривались между собой, обсуждая погоду. Иногда кто-то бросал шутку, и все взрывались смехом. Женщин и девушек было намного меньше. Девушки шушукались, строили глазки группе ребят, женщины обсуждали то стельную корову, то детей, которые с первыми холодами начали простужаться. Одна из женщин достала сумку жареных подсолнечных семечек, к ней потянулись руки, разобрали по горсти, и полетела под ноги скорлупа. Между рядами бегала неугомонная детвора, гоняясь друг за другом, но детишек было немного – не у всех имелась обувь, чтобы в такое ненастье выйти на улицу. Дети притихли, как только в помещение зашел чекист. Еще бы! Он был одет в кожаную блестящую куртку, от него пахло одеколоном, но не это привлекло внимание детей. На поясе у мужчины висела кобура, из которой выглядывал наган. Мальчишки зачарованно, с разинутыми ртами рассматривали оружие.

– А он настоящий? – спросил самый маленький, тыча пальцем на наган.

– А то! – степенно сказал старший. – Конечно, настоящий! – прибавил он и надвинул малышу картуз на глаза; все мальчишки засмеялись.

– И патроны в нем есть? – спросил неугомонный малыш, поправив на лбу картуз.

– А как же! Не кукурузой же он заряжен! – объяснил старший, и все вновь засмеялись, поддерживая друга.

– А в кого он будет стрелять? – снова поинтересовался любопытный малец.

– Во врагов. В кого же еще?

Мальчишка на мгновение умолк, не совсем понимая, где же эти враги, в которых нужно стрелять.

– Вот если бы он дал мне пострелять! – вздохнул малыш.

– Так пойдя попроси.

– Не даст! А если бы дал, то я выстрелил бы в деда Панька, за то что он меня крапивою отхлестал за те два яблока, которые я осенью украд прямо у него из-под носа! – сказал парнишка, опять вызвав смех.

– Замолчите! – прикрикнул кто-то из мужчин, и мальчишки побежали в конец зала и примостились на полу под стенами. В это время на сцену вышли несколько человек и сели за стол.

Кузьма Петрович встал, и шум понемногу утих. Щербак осмотрел присутствующих. Клубы сизого дыма окутывали притихших на скамьях людей. На него смотрели сотни крестьян – кто с интересом, кто насмешливо, кто с недоверием.

– Товарищи! – начал свою речь Кузьма Петрович. – Спасибо вам, что нашли время и приняли предложение прийти на собрание. Во-первых, позвольте представить, если еще кто-то не знает, оперуполномоченного от ГПУ, коммуниста, честного и уважаемого человека Лупикова Ивана Михайловича, – сказал он, и помещение взорвалось хохотом, потому что кто-то из мужиков сразу озвучил по-новому фамилию чекиста, прибавив «за» впереди слова. Иван Михайлович побагровел. Каждый раз к его фамилии цепляли спереди это «за», отчего она становилась до хохота смешной и обидной. Кузьма Петрович выдержал паузу, похлопал в ладоши. К нему присоединились аплодисменты из зала.

Иван Михайлович поднялся, кивнул головой, а Кузьма Петрович объявил первый пункт повестки дня – выборы нового председателя сельского совета. Кандидатура Максима Игнатьевича Жабьяка была поддержана единогласно, то ли потому, что была им предложена, то ли действительно все были согласны, то ли этот вопрос меньше всего всех интересовал. По второму вопросу Кузьма Петрович предоставил слово Ивану Михайловичу. Начал он речь с невыполнения крестьянами планов хлебозаготовок. Долго рассказывал, как важно для государства выполнение плана, потому что «страна на вас возлагает надежды и не допустит саботажа ни в какой форме».

– Вы же не враги государству, которое учит ваших детей в школах совершенно бесплатно? Дети пролетариата, дети рабочих на стройках, на заводах, в городе должны быть накормлены. Не за это ли мы проливали кровь на гражданской? – горячо сказал Иван Михайлович. Толстенький, низкорослый, с жидкими русыми волосами, он говорил запальчиво, даже раскраснелся, и на лбу его выступил пот.

– А наши дети пусть ходят голодные? – послышался мужской голос.

– И ваши должны быть сыты!

– Если выполнить план по налогам, то придется выковыривать мел из стен и кормить им детей, – заметила какая-то женщина.

– Уважаемая... – начал было Иван Михайлович, но женщина его перебила:

– Не уважаемая я тебе. Называй меня как хочешь, но своих детей голодными я не оставлю. Приди в хату, посмотри, как мы живем и есть ли из чего твой план выполнять.

Люди недовольно загудели, словно пчелы в улье.

– Вот об этом я и хотел с вами поговорить, – продолжил Иван Михайлович, и голоса начали стихать. – Вы можете изменить свою жизнь к лучшему уже сегодня, сейчас, не ожидая, что кто-то накормит ваших детей. Меня направили в ваше село для построения новой, светлой и сытой жизни. И эта жизнь будет счастливой! Жили плохо, работали по найму, были батраками, а станете хозяевами на своей земле! В селе появится электричество, построим детский садик, и вам, женщинам, не придется оставлять детей одних дома, они будут накормлены и ухожены. Организуем общие кухни, где вы будете бесплатно питаться. Для этого вы

все должны объединить свои земли и хозяйства в одно общее, то есть создать коллективное хозяйство, которое называется «колхоз». Вспомните, как в народе говорят: «Вместе и отца бить легче». Не так ли, товарищи? – Иван Михайлович обвел взглядом притихших людей. Некоторое время стояла мертвая тишина.

– У нас уже было общественное пользование землей, – нарушил тишину старый Пантелеймон. – И что из этого получилось? Скотина чуть не померзла, а урожая собрали с гудькин нос.

– А что вы хотели, чтобы десять человек подняли страну? И чем они должны были обрабатывать эту землю? Ни лошадей вдоволь, ни инвентаря – ничего у них не было. Вот на смену им и идут колхозы, где все будет общим, – взволнованно произнес Иван Михайлович.

– И молодичи общие? – усмехнулся дед. – Тогда я согласен, может, какую общую молодичу хоть за грудь подержу! – пошутил он, но засмеялись только девчата. Мужики сидели хмурые.

– Шутить будем, когда создадим колхозы, – заметил Иван Михайлович. – А теперь я хочу, чтобы вы поняли, какая счастливая жизнь вас ожидает в будущем. Лишь в коллективном общественном хозяйстве каждый из вас станет хозяином. Вступите добровольно в колхоз – весной получим трактора. Идет новая жизнь, на смену лошадям прибывает новая техника.

– А и правда, – опять заговорил Пантелеймон, – зачем мне лошадь, когда все равно сена не хватает, чтобы ее прокормить?

– Клепки у тебя не хватает, а не сена! – крикнула с места Одарка, молодая женщина в клетчатом платке. – У добрых хозяев всего вдоволь, а ты поменьше бы в стакан заглядывал, а больше бы на сенокосе работал!

– Да я...

– Тише! – Иван Михайлович постучал карандашом по графину. – Тихо! Успокойтесь! В колхозе все будут равны. Вам не придется трудиться с утра до ночи. Все будут работать одинаково и получать поровну.

– Тогда пусть Пантеха идет в ваш колхоз! – бросила Одарка, и зал взорвался смехом.

– И Секлету забирайте – она вам план даст! – прибавил кто-то из мужчин. Пантеха расплылся в широкой улыбке от такого внимания к себе. Он оскалил редкие желтые зубы и начал по-дурацки хихикать и подскакивать на месте. Старая Секлета лишь моргала, не понимая, в чем дело.

Иван Михайлович опять постучал по графину, призывая к вниманию. Пока он продолжал описывать светлое будущее в коллективном хозяйстве, Кузьма Петрович внимательно наблюдал за семейством Черножуковых. В последнем ряду на скамье сидели братья: Павел, Гордей и Федор. В один ряд – молчаливые, здоровые, крепкие, опрятные, красивые и гордые. До этого они не проронили ни одного слова, не встречали в разговоры. Не догадаешься, о чем они думают, мысли надежно скрыты за усами и густыми бородами. Рядом с ними сидел сын Павла Серафимовича Михаил. Иногда он хотел вступить в разговоры, но искоса бросал взгляд на отца и молчал. Рядом с ним – дочка Павла Серафимовича Ольга со своим мужем Иваном. Она сложила руки на груди и слушала выступления, прищурившись.

– Так что я надеюсь на вашу сознательность, товарищи! – горячо сказал Иван Михайлович. – Теперь прошу вопросы.

– То есть мы должны все свое нажитое добро отдать в коллективное хозяйство? – спросил мужчина с густыми черными бровями, мявший в руках шапку.

– Почему же все? Колхозникам оставят наделы земли, чтобы могли вести домашнее хозяйство. Но зачем дома держать трех лошадей и трех коров? Достаточно и одной коровы, чтобы напоить свеженьким молоком детей, а лошади будут в общем пользовании. Для них мы построим большие конюшни, для коров – коровники, совместными усилиями заготовим

сено на корм. Вы будете работать и получать за свою работу хлеб, и не будет болеть голова о том, хватит сена до весны или нет.

Иван Михайлович пытался как можно лучше расписать перспективы общего ведения хозяйства, даже не забыл отметить, что председателя колхоза тоже будут выбирать на собрании голосованием. И снова подчеркнул, что необходимо выполнить план заготовки.

– Так пускай богачи потрясут свою мощну, – подал голос один из братьев Петуховых, Семен. Он с братом Осипом и матерью жили напротив Черножуковых. Незадолго до собрания братья вступили в комсомол, поэтому имели полное право голоса.

– Потрясем и богачей! – поддержал его Иван Михайлович. – Достаточно эксплуатировать народ! Создадим группы, которые проверят их закрома, пересчитают не только коров и лошадей, но и каждую курицу. Заставим их заплатить индивидуальный налог! Прижмем так, что перья будут сыпаться! – уже не говорил, а кричал раскрасневшийся чекист.

Кузьма Петрович понял, что нужно как-то остановить его, чтоб дров не наломал. Присил же не горячиться, не спешить, дать возможность крестьянам подумать, посоветоваться между собой, так нет, все по-своему. Кузьма Петрович, спасая положение, незаметно для посторонних дернул Лупикова за полу куртки. Тот на миг отвлекся, повернул голову.

– Если такой умный, так иди в колхоз, – сказала Семену румяная Одарка. – Там всей вашей семье найдется место. И тебе, и Пантехе, и брату, и вашей матери. Один дурень и вас троица лентяев – хороший колхоз получится!

– Им терять нечего, потому что за жизнь ничего не приобрели! – подал кто-то голос.

– Лентяи такие, что скоро и на крыше сорняки вырастут, – послышалось из зала.

– Ни самой хаты, ни вас среди крапивы и сорняков не найдут! Пропадет колхоз.

– Старая Ониська наварит самогона, коров напоят, те уснут пьяные, и на пастбище не нужно будет гнать!

– А почему бы им не идти в колхоз? Что им терять? – спросила та же женщина. – Разве что сорняки. Захотелось хозяином на чужих землях быть? А вот вам! – Женщина свернула большой кукиш, показала братьям. – Получается, одни всю жизнь спину гнули, горбатились с утра до ночи в поле, а теперь отдай все в общее хозяйство, чтобы Петуховы стали хозяевами? Хозяевами на моей земле и над моими коровами?! Не будет такого!

Женщина взбудоражила море, зашумели люди, заговорили между собой. Иван Михайлович пытался успокоить взволнованных людей, но буря уже всколыхнула человеческое сознание. Одни Черножуковы сидели сдержанно и гордо, даже словом между собой не перебросились, будто все, что вокруг происходит, их не касается.

– А если я не захочу идти в ваш колхоз? – опять спросила Одарка.

– Заставим! – быстро ответил Иван Михайлович.

– Как? Наган свой достанешь?

– Нужно будет – достану!

– Из кобуры или из штанов? – насмешливо спросила женщина, и все захохотали.

– Можете зубоскалить, – сказал Иван Михайлович, – но платить налоги, выполнять план хлебазаготовки и вступить в колхоз мы вас заставим, если даже придется принять радикальные меры.

– Какие меры? – переспросил Пантелеймон.

– Любые меры, но результат будет – это я вам обещаю. Коммунистическая партия дала мне приказ, а я не привык отступать. Даю вам время подумать над моими словами. На следующем собрании будем писать заявления о добровольном вступлении в колхоз, – закончил свое выступление Иван Михайлович.

Люди уже не шутили. С хмурыми лицами двинулись к выходу. Кузьма Петрович заметил, что на улице большинство крестьян обступили Павла Серафимовича, но мужчина веж-

ливо распрощался, и братья Черножуковы молча разошлись по домам. Через мгновение их фигуры растворились в темноте.

Глава 6

Зима окутала село туманом. Еще утром изморось сменил густой холодный дождь, после обеда лужи заблестели тоненькой коркой льда, а под вечер ветер утих, будто сам устал от такого непостоянства, впуслав на землю сплошную темень и влагу. Хаты подмигивали подслеповатыми окнами, не понимая прихотей природы. Село почти опустело – все жители, увязая ногами в грязи, поплелись на собрание. Дома остались разве что немощные старики и некоторые женщины с малыми детьми. Варя тоже не пошла. Что ей там делать среди мужиков и стариков? К тому же заболела мама. У нее опять нестерпимо пекло в груди. Варя уже не раз предлагала поехать к врачу в город, но мать свое гнет: «Как только в груди кольнуло, так и в больницу бежать? Полежу, отпустит понемногу – и слава богу. Работы полно, а я бока стану отлеживать? Нет, такого не будет». Отец ушел на собрание, и мать тоже порывалась пойти, с трудом удалось уговорить ее остаться дома и отдохнуть.

Варя быстренько позакрывала хлева, накормила Тумана, проверила, спит ли бабушка, потом поспешно накинула полушубок, схватила платок и выскользнула на улицу. А там серо, неприветливо, сеется мелкая изморось, небо в плену тяжелых туч. Село уныло притихло. Замирая, Варя всматривалась в темноту, боялась встретить кого-то из людей. Нигде никого.

Девушка закуталась в платок и быстро пошла по улице. Под ногами хлюпала грязь, потому казалось, что за ней кто-то идет следом. Варя остановилась, отдышалась, осмотрелась: кажется, никого. Придет ли на свидание Андрей, или он отправился, как все, на это собрание? Разные мысли бурлили в ней, но чувство было одно: Варя хотела видеть Андрея сейчас, сегодня, а не когда-нибудь. Они не встречались всего три дня, а казалось – вечность. Какое это счастье – слышать его голос, касаться щеки, пить целебные поцелуи! Хотелось опять почувствовать тепло его тела, прильнуть, спрятаться в объятиях от всех неурядиц и забыть обо всем на свете! Только бы быть вместе! Наслаждаться каждым мгновением, запомнить каждое слово, чтобы потом по ночам жить этими словами, наслаждаться ими, как спелой ягодой, и засыпать счастливой. Каждому ли выпадает такое счастье? Пусть и тайное, ночное, скрытное, но оттого оно не становится меньше, напротив, в их таинственных свиданиях был привкус меда: когда съешь, еще долго все кажется сладким-пресладким, вкусным-превкусным.

Село будто вымерло. Лишь кое-где мерцали тусклым светом окна, и серый дым из дымоходов сливался с неприветливой изморосью. Еще несколько хат – и Варя за селом. С наступлением холодов влюбленные уже не встречались в березовой роще. Местом их свиданий стала большая старая ива, одиноко примостившаяся в конце узкой улочки за последней хатой. Под ее ветками они прятались от ненастья, а за толстенным, в несколько обхватов, стволом можно было укрыться от посторонних глаз.

Варю охватило радостное волнение, когда она увидела темную фигуру возле ивы. Пришел-таки! Девушка побежала, не сдержав желаний поскорее оказаться в объятиях любимого. Андрей радостно и трогательно улыбнулся, крепко прижал Варю к себе. Все слова, которые она припасла для этой встречи, сразу куда-то исчезли, растаяли в его улыбке, оставив только чувство невероятной нежности.

– Дорогой, мой любимый, – произнесла она и покачнулась – подогнулись колени, а по телу побежала теплая волна.

Казалось, время остановилось, давая влюбленным насладиться друг другом. Андрей расстегнул кожух, прижал девушку к разгоряченному телу, пряча ее от холода и всего света.

– Моя милая, моя Варенька, любимая, единственная, самая лучшая на свете, – шептал он, покрывая поцелуями раскрасневшиеся щеки, нос, губы, глаза девушки. Ее естественная

красота и искренность сводили юношу с ума. Косы девушки пахли ромашкой и еще чем-то таким нежным, девичьим, от чего в голове туманилось и шумело.

– Любимый, мой любимый...

Варе хотелось раствориться в его голосе, в горячем от страсти дыхании и исчезнуть где-то, где не будет ничего и никого, кроме их двоих и безграничной любви.

– Как я ждала нашей встречи, – сказала Варя, овладев собой, и трогательно улыбнулась.

– Я тоже, – произнес юноша, смущенно глядя добрыми темно-карими глазами. – Мне казалось, эта ночь никогда не наступит. Или ты не придешь, – прибавил он.

– Я?! Даже если камни с неба посыплются, я приду к тебе. Ты – моя жизнь, мой воздух, моя душа, мое сердце. Бывает так? Или это только у меня? – спросила Варя, глядя в лицо любимого широко раскрытыми глазами.

– Наверное, такие чувства у всех влюбленных. – Парень прижал к себе Варю. – А ты действительно похожа на ласточку, – прибавил он, – точнее, на птенчика ласточки, такого худенького, маленького и теплого.

– Не зря же папа так меня прозвал.

– Кстати, об отце. Мы собирались осенью пожениться, а ты до сих пор не поговорила с ним, – упрекнул Андрей.

– Как-то не нашлось подходящего момента, – вздохнула Варя. – Ты думаешь, я не хочу, чтобы мы всегда были вместе? Чтобы не приходилось прятаться от людей? Или не хочу, чтобы мы ложились в одну постель, а проснувшись, я чувствовала рядом твое теплое от сна тело?

– Давай я сам с ним поговорю, скажу, что мы любим друг друга и я готов заслать сватов. Если отец думает, что я позарился на твой новый дом или его богатство, то я могу тебя забрать к себе. Когда-нибудь построим себе новую хату и будем жить.

– Зачем ты так? – Варя с упреком внимательно посмотрела ему в глаза. – Разве можно сравнивать чувство с богатством? Любовь не имеет своей меры, она не имеет пределов, не имеет конца. Она или есть, или ее нет. Неужели ты меня не любил бы, если бы я была из бедной семьи?

– Тогда нам было бы легче пожениться. А так закрадывается мысль, что я, бедняк, хочу вылезти из бедности, женившись на девушке с приданым. Я поговорю с твоим отцом завтра же! Вопрос лишь в том, согласишься ли ты выйти за меня против воли родителей?

– Ой, не знаю, Андрюшенька, не знаю! – вырвалось стоном из Вариной груди. – При-знаюсь, что могла бы уже не раз поговорить с отцом, но не решаюсь. Я боюсь даже представить, что будет с нами, если он откажет. Только подумаю об этом, сразу же так страшно становится! Если он будет против, то мы не сможем видаться. А если я не буду тебя видеть, то не выдержу! Мое сердце разорвется на куски!

– Но мы же сможем жить у меня!

– Я долго думала над этим. Понимаешь, я люблю тебя до потери сознания, но люблю и своих родителей. Могу ли я забыть о немощной бабушке, оставив ее без присмотра? Смогу ли наплевать в душу матери и отцу, которые меня так любят? Они всю жизнь мне посвятили, тяжело работают с утра до ночи ради меня, чтобы у меня было все. Чтобы было и на столе, и к столу, и хлеб, и к хлебу. Сказать «до свидания», крутнуть хвостом – значит, растоптать их чувства, перечеркнуть им жизнь... Неправильно это, несправедливо. Так нельзя, ведь они мне дали жизнь, и я должна с ними считаться и уважать и их, и выбор, который они сделают. А если они не захотят нашего брака? Ты понимаешь, что со мной будет?! – спросила в отчаянии Варя, и в ее блестящих глазах замерцала слезинка.

– Что же тогда нам делать?

Варя прильнула к любимому, положила голову ему на плечо. Оба молчали, понимая, что так долго продолжаться не может: если узнает Павел Серафимович об их тайных свиданиях...

ниях, может разозлиться не на шутку. И разговором с ним можно своими руками положить конец свиданиям.

– От судьбы не убежишь. – Варя наконец нарушила молчание. – Дай мне неделю, и я поговорю с отцом. Будет против – стану умолять на коленях. Надеюсь, что сумею растопить его сердце.

– Дай-то бог.

– Мне так приятно, что ты пришел ко мне, а не на собрание!

– Что я там забыл? Завтра все от людей узнаю.

– Только и речи об этих колхозах да налогах. Почему-то мне тревожно, – призналась Варя. – Такое ощущение, что должно случиться что-то плохое, страшное. Знаешь, как бывает перед грозой? Наступает такая благодатная тишина, солнце светит, и вдруг как громыхнет! Налетит невесть откуда черная туча, упадет на землю дождем, а небо расколуют зловещие молнии. Вот и сейчас такое. Село притихло, присмирело, хаты будто попрятались, присели за заборами, словно ожидают плохих перемен. Хорошо птичкам – они лучше людей чувствуют приближение грома. Люди умнее птиц, а ощущения у них хуже. Но сердцем, душой слышу, что над нашим селом нависли черные тучи, а гром вот-вот загремит.

– Глупенькая моя девочка, – ласково произнес Андрей. – Это у тебя от волнения перед разговором с родителями.

– Нет. Так будет, – сказала Варя, не заметив, что повторила слова Уляниды. – Обними меня покрепче, любимый! – попросила она.

Глава 7

Ничего не сказал односельчанам Павел Серафимович, хотя хорошо видел вопрос на встревоженных лицах. Отец еще в детстве учил его не спешить принимать решения или болтать языком, не обдумав каждое слово. Может, поэтому и вырос он немногословным, скорее молчуном. Павел Серафимович шел домой один, вслушиваясь в чавканье сапог по грязи. Кое-где лужи взялись тоненьким стеклом льда, и, когда мужчина наступал на него, лед с треском ломался. Павел Серафимович еще не знал, что делать дальше, но плохое предчувствие сжимало грудь изнутри. Сердцем чуял: перемены неминуемы, жизнь уже не будет прежней.

В старенькой хате света не было. Мать, наверное, спит, а если и не спит, то ей свет не нужен, для нее уже давно дня не существует, осталась только ночь. Варя тоже спит. Молодая, ей нужно отдохнуть, она же с рассвета до сумерек на ногах. А вот жена его ждет – об этом сообщил едва заметный свет в окне. И наработалась за день так, что ни ног, ни рук не чувствует, и заболела, а не легла отдыхать, пока мужа нет дома, лишь свет в лампе притушила, чтобы керосина меньше выгорело.

– Надя, ты спишь? – тихо спросил Павел Серафимович, снимая кожаные сапоги, хотя хорошо знал, что жена ожидает его.

– Как бы я заснула, когда все село на собрании? – ответила жена и встала с кровати. – Может, поужинаешь?

– Нет, не хочу ничего, – ответил тихо. – Ты лежи, отдыхай.

– Расскажи, что там говорили.

Павел Серафимович не спешил с ответом. И только когда лег рядом с женой, сказал:

– В колхозы агитируют, хотят, чтобы добровольно вступали, отдали и землю, и хозяйство. Потом вместе, всем селом, обрабатывали землю тракторами.

– Как это вместе?

Павел Серафимович подробно рассказал жене то, что услышал на собрании, поскольку знал, что она не успокоится, пока все не узнает. Затем произнес:

– Ты спи. Не спрашивай ни о чем, мне надо подумать.

Муж лег на спину, подложил руки под голову, закрыл глаза. Он знал – ночь будет бессонной. В голове роились разные мысли, переплетались воспоминания. Почему-то вспомнилось детство, когда хотелось бегать с мальчишками и катать колесо по пыльным улицам, стрелять из рогатки, купаться в озере, лазить по деревьям, воровать зеленые яблоки у соседей, утром спать вволю, но на это было так мало времени! С самого утра поднимали родители – и сразу же за работу. Разве кого волновало, что ночи сна будто и не было, а когда гнал скотину на луг, глаза сами слипались? Однажды упал посреди дороги и мгновенно заснул. Если бы не соседка баба Ганя, стадо коров могло бы затоптать его. Обвинял ли он сейчас родителей? Конечно же, нет. Работа с детства стала двигателем его жизни.

У отца был кусок земли, который становился все больше и шире. Каждый метр заработан потом и непосильным, сверхчеловеческим трудом. К их земле еще до столыпинской реформы добавился надел жены Надежды, которая когда-то была соседкой. Все Черножуковы жили большой семьей в тесной родительской хате: отец, мать, бабка, два брата и Павел Серафимович с женой Надеждой. Они бы и раньше могли построить себе отдельную новую хату, но надо было и поля обрабатывать, и порядок в хозяйстве поддерживать. В их дружной семье Надежда рожала детей. Сначала появилась Оля, потом – Михаил, затем – четверо девочек, которые, не успев пожить, умерли. И что удивительно: в большой семье Черножуковых никогда не было ссор, поскольку на них не оставалось времени. Только работа, работа, работа.

И уже после Октябрьской революции, когда все работающее семейство получило еще кусок земли, часть хозяйства, коров и лошадей распродали, чтобы построить Гордею и Федору отдельные новые хаты и приобрести для них инвентарь. Гордей стал бондарем, Федор – кузнецом и имел свою кузницу, а Павел Серафимович остался в родительском доме, на родной земле. Их отец Серафим дал сыновьям наделы, передал в наследство Павлу семейные драгоценности – царские червонцы, своими руками сколотил дубовый гроб, приказав похоронить его не на кладбище, а по старому обряду – на краю своего надела. «Чтобы и на том свете чувствовал, что лежу в своей земле», – объяснил отец и вскоре умер то ли от какой-то болезни, то ли от тяжкого труда. Сыновья выполнили желание отца и похоронили его в сливняке, на своей земле.

В это время к их наделу добавился соседский кусок, а позже Павел Серафимович еще один докупил. Не украл ни метра, все заработал своим трудом. И новую хату они с Надеждой сами построили, и сына Михаила не оставили без жилья и земли, и Оле в приданое надел дали, и Варе дом уже достраивают. Павел Серафимович мог прямо смотреть в глаза каждому односельчанину: он никогда ни у кого ничего не одалживал, ничего не украл, все заработал своим трудом. Было такое, что зимой недоедали, но зерно на посев всегда было, тогда как другой мог его продать или съесть, а весной ломал голову, чем засеять землю. Павел Серафимович никогда не проходил мимо нищих – всегда подавал милостыню. Соседи иногда просили в долг. Если видел, что семья работающая, но оказалась в затруднении, помогал, лентяям отказывал. Если узнавал, что зерно пошло не на посев, а хозяевам на стол, – второй раз не давал.

Конечно, были и завистники, которым казалось, что на него богатство с неба сыплется, но большинство крестьян его уважали. Возможно, потому, что он тонко чувствовал землю и ее капризы. Никто в селе не мог наверняка знать, когда лучше сеять зерновые, когда сажать картофель или начинать жатву. Способность чувствовать землю передалась ему от матери. Однажды весной, когда он был еще ребенком, мать вывела его рано утром в поле. Отец уже пахал конями землю, и за ним тянулись ровные пласты, похожие на масло. Вспаханная земля паровала, как только что сдоенное молоко.

– Видишь, сынок, земля дышит, – сказала мать.

– Разве она живая? – спросил он.

– Еще как! Приложи ладошку к землице, – приказала мать. – Что ты чувствуешь?

– Дышит! – взволнованно сказал мальчик, ему и правда показалось, что он почувствовал легкое дыхание.

– А еще что? – спросила мать.

– Она холодная.

– Да. Потому что еще не согрета после зимы теплом наших рук. Я научу тебя чувствовать не только ее холод, но и тепло, и щедрость, – пообещала мать.

И действительно научила чувствовать на ощупь тепло земли и изменения температуры. Но смог бы он так понимать землю, если бы каждый лоскуток не был орошен не только дождями, но и обильным потом? Первая мысль после сна: что нужно сегодня сделать? Последняя перед сном: что будет делать завтра. И так все время, разве что выпадал отдых по праздникам, да и то в такие дни руки чесались без работы и чувствовал себя вором. И как это соседи напротив живут? Немного земли у них, да и той лада нет – что и посеют, и тому толку не дадут, сорняки выше хаты, а им хоть бы что. Свеклу вырастят, так не о сахаре думают, а о самогоне. И сама старая Ониська ленивая, и сыновьям к земле любви не привила. Семен и Осип вымахали такие, что головами потолок подпирают, а до чего же ленивые! Дошло до того, что зимой сделали в стене дыру возле печи. Все село прибегало и заглядывало через плетень, чтобы увидеть, как из хаты через отверстие вылетает на улицу пепел, а потом в дыре появляется старая подушка – затычка, чтобы не замерзнуть. Люди смеются, а тем без-

различно! Глаза у Серка заняли, что ли?! Вот такие Петуховы и завидуют Черножуковым. Вот с такими рядом предложили работать в колхозе. И не только работать, а еще и отдать добровольно свою землю и скот. Отдать землю?! Свою землю?! А не подавятся ею? Даже представить страшно, как можно доверить свою землю таким, как Петуховы!

И почему он должен отдавать кому-то свои поля? Столько лет горбатиться ради того, чтобы дети, внуки сыты были, чтобы не приходилось им голодать да так много работать! И все, что приобрел потом и кровью, надо добровольно отдать в общую собственность. А зачем ему что-то общее, если есть свое? Выйдешь рано утром на поле, где колоски стоят налитые и пузатые, как бочоночки, коснешься их рукой – аж дух захватывает от радости и гордости, от ощущения, что все это твое, выращенное тобой, орошенное потом, взлелеянное мозолистыми руками. Знаешь, что хлеб – это жизнь, и эту жизнь ты сам выстраивал для своего же благосостояния, для родных людей. И все это нужно за так кому-то отдать? Не будет этого никогда! Ни-ког-да! Пусть убьют его, пусть закопают на своей земле, а не в общественной собственности! Бедный отец! Если бы он слышал все это, перевернулся бы в могиле. Хорошо, что мать уже ничего не понимает и не видит.

Даже голова закружилась у Павла Серафимовича от таких дум. А еще больнее было допустить, что все приобретенное добро могут отобрать силой. Он гнал от себя эту мысль, не давая проникнуть в сердце и затмить ум.

– Запугивают, – утешал себя Павел Серафимович. – Не может быть, чтобы пришли и все забрали. Не может быть жизнь так несправедлива ко мне. Прости меня, Господи, грешного! – прошептал он и перекрестился.

Он знал, что завтра явятся к нему за советом братья. Что им сказать? Каждый из них должен решить самостоятельно, что делать дальше, потому что он сам определенно не знал, как поступить правильно. Но свою землю он так просто никому не отдаст.

Павел Серафимович почувствовал, как от лежания в одной позе занемели ноги и руки, заныла спина. Он пытался не ворочаться, чтобы не мешать жене спать, хотя знал, что и ее одолели тяжелые мысли. Не в состоянии больше лежать, мужчина тихонько поднялся, расправил плечи, подошел к окну. Тяжела ночь размышлений. За окном темень, и в душе не видно просвета. Пытался заглянуть в будущее, но оно тоже казалось темным, как эта ночь. Вдруг он услышал, как тихонько скрипнула калитка и по двору мелькнула чья-то тень. Павел Серафимович босиком выскочил на улицу.

– Кто там? – крикнул в темноту, не забыв прихватить с собой кочергу, стоявшую возле печи.

– Это я, папа, – услышал он Варин голос.

– Что ты делаешь среди ночи?

– На улицу захотелось, вот выходила, – отозвалась Варя уже с порога дома.

– Может, на улицу бегала по нужде?

– Мне показалось, что кто-то бродит под окнами нового дома, вот и вышла посмотреть.

– Никого там нет, – сказал он. – Туман спит как убитый. Иди отдыхай, Ласточка.

– Хорошо, папа, – ответила Варя. Павел Серафимович ушел в хату, когда за дочкой закрылись двери.

– Что там случилось? – спросила жена.

– Ничего, – ответил чужим, погасшим голосом.

– А почему же с кочергой побежал?

– Все хорошо. Что-то привиделось. Спи уже, глухая ночь на дворе.

Глава 8

Утром Варя старалась не попадаться на глаза отцу. Ей казалось, что он уже знает о ее тайной любви и молчит, испытывая дочку на честность. Такие мысли мучили девушку, заставляя сердце неистово колотиться в груди, отчего дрожали руки, и она чуть было не разлила молоко из горшка. Но отец вел себя так, будто ничего не случилось, хотя на его обеспокоенном лице можно было заметить какое-то недовольство. Еще бы! С самого утра прибежала Ганнуса и затараторила о вчерашнем собрании.

– Все село гудит! – говорила она вполголоса, помогая Варе набрасывать вилами в ясли сено для лошадей. – И что теперь будет? Вы пойдете писать заявление? Что говорит отец? – засыпала она вопросами подругу.

– Я ничего не знаю, – неохотно ответила Варя.

– Как это?!

– Послушай, – Варя забрала из Ганнусиных рук вилы, – что-то мне не по себе, я хочу отдохнуть, иди, наверное, домой, потом поговорим. Хорошо?

– Как скажешь. – Ганнуса недовольно поморщилась. – Я же хотела как лучше.

От матери Варя узнала, что к вечеру придут дядья, братья отца, наверное, пожалует Михаил и Ольга с мужем. Нужно Черножуковым подумать, решить, что делать дальше, а без дельного совета самого старшего Черножукова никак не обойтись. Обычно их большое семейство собиралось вместе на праздники, тогда Варя с матерью тщательно готовились к встрече гостей: украшали дом вышитыми полотенцами, салфетками и скатертями, готовили много блюд. Хотя сегодня семья соберется по другому поводу, мать попросила отца зарубить курицу и начала ее потрошить. Варя тем временем помыла пол, простелила выстиранные тканые половики, приготовила чистые полотенца для гостей и растопила печь. Затем девушка начистила картошки, порезала на куски курицу, сложила в большой чугунок, добавила туда поджаренного на сале лучка, посолила, залила водой. Она раздвинула кочергой головешки в печи, ловким движением подцепила рогачем большущий чугунок и отправила его в печь. Притворила заслонку и с облегчением вздохнула: можно минутку передохнуть и идти тереть свеклу.

Как и ожидалось, под вечер пожаловали братья Павла Серафимовича Гордей и Федор. Пришли одни, без жен. За ними подошел сын Михаил, а последними переступили порог Ольга с мужем Иваном. Павел Серафимович сел на почетное место за большим дубовым столом, который Варя успела застелить свеженькой белой скатертью с вышитыми на ней яркими птицами. С обеих сторон сели братья, потом – сын и зять, а Ольга, кряхтя, примостилась на краю скамейки. Пока Варя с матерью хлопотали у печи, Павел Серафимович порезал ржаную паляницу, подал лично каждому по довольно большому куску. Посреди стола появилась большая глиняная миска с картошкой и курицей. От мяса, разомлевшего в печном жару, шел такой аромат, что у Вари забурчало в животе. Только сейчас она вспомнила, что из-за хлопот с самого утра во рту у нее маковой росинки не было. Девушка быстренько раздала гостям полотенца и ложки, не забыв протянуть отцу его любимую деревянную. Ложка с одной стороны уже слизалась, когда-то яркие цветочки на ней почти стерлись, но отец никак не хотел заменить ее на металлическую. Павел Серафимович пригласил всех к ужину, и некоторое время было слышно лишь постукивание ложек и чавканье.

Постепенно завязался разговор. Обсуждали уполномоченного коммуниста Лупикова, не забыв посмеяться над его новой фамилией с приставкой «за» спереди. Подкопаевцы если уж кого-то назовут, то слово приклеится так, что и тому человеку хватит, и следующему поколению будет вдоволь. Не забыли вспомнить о приезде в село Щербака, поговорили о новом председателе сельсовета Жабьяке и только потом коснулись собрания. Говорили пре-

имущественно братья Федор, Гордей и Павел. Михаил вообще в разговор не вмешивался, попробовал бросить свою копейку Иван, но Ольга так дернула его за рукав, что тот сразу замолчал и сидел уже тихо и смиренно. Рядом с крупной женой с ее большим животом Иван – худой, с узкими плечами и тонкими длинными руками – казался чуть ли не вдвое меньше.

Мужчины были единодушны в том, что несправедливо, неправильно и не по совести забирать у них силой нажитое годами тяжелого труда.

– Пусть идут в колхоз те, кто хочет, – рассуждал Гордей. – Если их все устраивает, то пусть работают вместе. Разве мы против? А мне зачем этот колхоз? Получается, что мы, Черножуковы, гнули спину, чтобы приобрести землю, скот, инвентарь и отдать кому-то? Почему мне никто ничего не дал, не подарил? Мне, значит, кукиш, а я должен кому-то обеспечить лучшее будущее? Где же справедливость?!

– Я стал хорошим кузнецом, – вступил в разговор Федор. – Сам построил свою кузницу. Ко мне идут люди из соседних сел, потому что знают: за работу много не возьму и лучше меня никто не сделает. Я что, обманул кого-то? Или цену загнул такую, что нельзя заплатить? Или обидел вдову? Кому-то отказал в помощи? – Федор помолчал, обвел собравшихся взглядом. – А моя жена света божьего не видит, с утра до ночи то в поле, то на огороде, то возле скотины. И ради чего? Чтобы жить хорошо, в достатке. Я не хожу в трактор, у жены нет времени сплетничать с соседками, потому что мы всегда в работе. Жаль, что Бог не послал нам детишек, но мы же на Рождество всю соседскую малышню одариваем, чем можем, и Варе, и Оле, и ее детишкам помогаем.

– Да, – кивнула Ольга.

– И налоги, хоть как тяжело было, мы все заплатили. И этого мало?! Возьми свое и отдай кому-то? Кому?

– Дурачку Пантехе и моим соседям, что напротив, – кивнул Павел Серафимович в сторону усадьбы Петуховых.

– Я ночь не спал, все передумал, – сказал Гордей, когда возмущение утихло. – Свое мнение я озвучу после старшего брата. Павел, ты у нас за отца, тебе и слово. Что будем делать?

За столом повисла тишина. На Павла Серафимовича смотрели внимательные глаза родных. Он ожидал этого мгновения, знал, что от его мнения многое зависит. Но мог ли он распорядиться их судьбами? Имел ли на это право? Павел Серафимович положил деревянную ложку на стол, степенно провел рукой по седой бороде.

– Мои родные, – сказал он, вздохнув. – Каждый из нас строил свое будущее тяжелым трудом, не давая отдыха ни себе, ни женам, ни детям. Хотелось жить по-человечески, чтобы ноги – в тепле, на поле – хорошие урожаи, а на столе всегда был хлеб. Думалось, так и будет, что дальше жизнь станет еще лучше, а нашим детям, да и внукам, будет хотя бы немножко легче, чем нам. Сейчас мне хотелось бы застыть в сегодняшнем дне, как кость в студне, но... Не будет завтра таким, как сегодня. Может быть, коммуняки поорут, пошумят да и уедут туда, откуда приехали. Хотелось бы, очень хотелось бы, но понимаю, что так не случится. Они не отступятся. И общественное хозяйство они организуют, как делают это повсюду в стране. Они ни перед чем не остановятся, пойдут по головам, по нашим трупам, но создадут колхозы. Я не могу судить, хорошо это или плохо, потому что не умею заглядывать в будущее. Я не могу даже предположить, что они сделают завтра. Возможно, нас и наши хозяйства оставят в покое. Но... – Павел Серафимович снова тяжело вздохнул, сжал кулаки и продолжил: – Я не исключаю вариант, когда они придут к нам и отберут все силой.

– Ой! – вырвалось у его жены. Женщина поднесла край платочка к глазам, на которые набежали непрошеные слезы. – Как так можно? – заговорила она. – Эти поля политы не только нашим потом. Я детишек рожала прямо в поле, даже домой не шла, чтобы к дождю успеть все сжать. Перерезала пуповину серпом, спеленала младенца, покормила, а сама на

четвереньках дождала колосья. А четырех девочек похоронила под крыльцом, потому что не успела еще и окрестить. Эти невинные души света белого не увидели, потому что я вкалывала, как каторжная! И все мое, все нажитое могут отобрать?! На них Бога нет, что ли?! Я, женщина, вмешалась в ваш мужской разговор, потому что не могла смолчать, – произнесла она уже спокойнее. – Решайте сами, что делать, а я свое слово скажу: своего никому не отдам! Умру, а не отдам! Вот вам крест. – Она перекрестилась.

– Твое мнение, Павел, – опять обратился к брату Гордей.

– Не могу я навязывать свое мнение, – сказал он то, к чему вел разговор. – Извините, но не могу.

– Ты же всегда давал нам дельные советы, – заметил Гордей.

– Да, давал, когда знал, что делать. Сейчас я боюсь ошибиться. Поймите, решается дальнейшая судьба не только Черножуковых, но и каждой семьи отдельно. Думаю, что каждый из вас для себя уже принял какое-то решение. Я хочу услышать ваше мнение. Гордей, у тебя восьмилетние близнецы. Тебе решать их судьбу.

– Если хотите меня услышать, – сказал Гордей, – то мы с женой единомышленны. Мы решили так же, как и Надежда: умрем, но своего никому не отдадим.

– Ну, умирать вам еще рано, – произнес Павел Серафимович. – Детишек надо на ноги поставить, а потом уже и умирать. А ты, Федя, что скажешь?

– Мы, Черножуковы, согласны поделиться с ближним, но даром отдать – нет уж! У нас детей нет, поэтому терять нечего. Мы тоже решили не вступать в колхоз.

– Да-а-а! – протянул Павел Серафимович и остановил взгляд на Иване.

– Я... Я не знаю, – запинаясь, начал он.

– И нам нечего делать в этом колхозе! – ответила за него жена.

– А почему ты за всех расписываешься?! – прямо-таки подскочил на месте раскрасневшийся Иван. – Хата чья? Моя и моих родителей! Огород и поле чьи? А скот?

– Мне отец тоже хороший кусок земли дал в приданое, – заметила Ольга. – И добро наживали вместе. Я не работала, что ли? Если я невестка, то, выходит, моего ничего там нет?!

– Я так не сказал. – Иван уже успокоился и вытер платком вспотевший лоб. – Но у меня есть еще и мать и отец. Мне нужно с ними посоветоваться.

– А своя голова есть на плечах? – Ольга толкнула Ивана локтем в бок. – Свое мнение ты можешь иметь? Или ты только детей делать умеешь?

– А о ком я забочусь? О детях, о родителях, вот о тебе. – Иван умолк. Он потер затылок и сказал: – Я не могу принимать решение без родителей.

– Понятно. – Павел Серафимович повернул голову в сторону сына Михаила. – А что ты, сын, молчишь? Ни слова не проронил. У тебя же трое детишек, нужно о них подумать.

– Хотите услышать мое мнение? – усмехнулся Михаил. – Окончательное решение я еще не принял. Сидел, слушал вас и удивлялся: как можно так цепляться за прошлое? Вы все будто паутиной срослись со всем своим «я» и «мое». Жизнь не стоит на месте, все вокруг изменяется, а вы все не хотите идти в ногу с современностью. Прошлая жизнь засосала вас, как болото, затмила глаза настолько, что вы не только будущего, но и нынешнего времени не видите! Рано или поздно придется измениться, потому что меняется жизнь. Вы не хотите этого понять!

– Замолчи! – прикрикнул Павел Серафимович. Он так громыхнул кулаком по столу, что Варя от испуга подскочила на месте. – Ты лекцию нам пришел читать?! – гремел голос отца. – Или тебя заслали коммунары?! Продался уже им? И сколько же они тебе заплатили?

– А что я такое сказал? То, что вы все – пережитки прошлого? Так оно и есть!

– Сопляк! – крикнул Павел Серафимович. – Мы все горбатились, чтобы тебе дом построить, чтобы жил по-человечески, а теперь мы плохие? Может, еще скажешь, что на моей земле должны лодыри работать?

– Бедные люди, которые тоже хотят есть, – парировал Михаил.

– Кто работает с утра до вечера, тот никогда не сидит голодный. И ты, Михаил, это знаешь, – почти спокойно произнес отец. – И все-таки, твое мнение?

– А я пойду в колхоз, – сказал Михаил и нахально усмехнулся. Мать не выдержала. Чтобы не разрыдаться при всех, она опрометью выбежала в другую комнату, где дала волю слезам.

– Ты мой сын, – сказал отец. – Взрослый сын, и я должен уважать твой выбор. Но я бы советовал тебе не спешить.

– Я сам решу, что мне делать, – сказал Михаил. – А здесь мне уже нечего слушать. Я пошел?

– Иди, – глухим голосом отозвался Павел Серафимович. – Но я тебя не гоню.

– Будьте здоровы!

Михаил ушел, и за столом воцарилась тишина.

– Ну что же, – вздохнул Павел Серафимович, – пришло время высказать мое мнение. Конечно же, я не собираюсь отдавать землю колхозу. До последнего я буду на ней хозяином. Думаю, нужно послушать, что делают люди в других селах. Возможно, есть какой-то выход, чтобы спасти свое добро? Я слышал, что бандурист Данила ходит по соседним селам. Скоро будет и у нас, надо бы спросить его, что он слышал.

– Согласен, – поддержал его Гордей. – Не будем спешить. А Данила действительно везде бывает. Чего только не наслушается! Может, от него что-то путевое узнаем, тогда и помозгуем. А ты, Павел, не держи зла на Михаила. Молодое, зеленое, горячее, нарубит дров, а потом будет жалеть.

– Да. Он мой сын – этим все сказано, – ответил Павел Серафимович. – Надя, – обратился он к уже вернувшейся жене, – а принеси-ка нам бутылку водки! Не пьяницы мы, но понемножку можно! Да, братья мои?

Разговор за столом оживился, когда мужчины выпили по маленькой. Они похрустели солеными огурчиками, которые Варя принесла из погреба, пожевали соленого сала с прорезью – внесла мать.

– Подождем, – подвел черту в разговоре Гордей. – А там либо барин, либо собака сдохнет. Слышали такое?

– Расскажи – услышим, – повеселевшим голосом отозвался Федор.

– У одного еврея было много детей, поэтому, когда нечего стало есть, жена послала его к барину взять денег в долг, – начал Гордей, вытерев губы полотняным полотенцем. – Барин подумал и говорит: «Дам я тебе денег, даже возвращать долг не нужно будет, если за год научишь мою собаку по-человечески разговаривать». Подумал еврей и отвечает: «Мне надо с женой посоветоваться». Пришел домой грустный, так и так, говорит. А жена ему: «Иди, бери деньги и не раздумывай». Он ей: «А что будет через год?» – «Глупец! За год или барин, или собака сдохнет!»

Еще долго окно дома Павла Черножукова светило. Всем, кто там собрался, казалось, что выход найдется, а беда обойдет стороной...

Часть третья. Паутина

Глава 9

Удивительная вещь память: хочется думать о будущем, а она не отпускает из прошлого. Так цепко за него держится, что грядущее не может приобрести четких очертаний, все в нем расплывчатое, будто в тумане. Порой она восстанавливает то, что происходило десятки лет назад, казалось, уже забытое, растворенное в сегодняшнем дне, как сахар в кипятке. Однако почему-то прошлое все чаще всплывало в мыслях Павла Серафимовича помимо его воли, выныривало издалека, из глубин памяти.

После 1917 года, когда получили еще один желанный кусок земли, почувствовали себя настоящими хозяевами. С какой же любовью они пахали и засевали уже свою землю, ухаживали, нежили ее, как ребенка! Работали до кровавых мозолей на руках, недосыпали, но скотина была всегда ухожена, сыта, а земля обработана. Аккуратные избы в селе у всех были побелены, почти у каждого хлев, рига, корова, лошади, свиньи, птица, усадьбы огорожены у кого плетнями, а у кого и деревянным забором. Особенная радость, какой-то душевный подъем наступал осенью, когда созревал урожай. С утра до вечера возили с полей снопы пшеницы, ячменя, гороха. А когда снопы были свезены, начиналась молотьба. Из каждого двора доносились ритмичные удары, у кого-то в два цепа, у кого – одиночные, потому что молотил без напарника. И эти звуки были лучше любой музыки, ибо каждый удар цепа сообщал о том, что в семье будет хлеб. Работали целую неделю, а в воскресенье отдыхали – грех трудиться в светлый день. И тогда молодежь, женщины, мужчины, старики, дети – все выходили на улицу, собирались либо у калины, либо на площади возле церкви. Настроение у людей было приподнятое, всюду слышались песни, молодежь танцевала, качалась на качелях. Как только смеркалось, родители забирали детей и расходились по домам, а молодежь еще оставалась гулять. Почти до утра в разных концах села раздавались песни и смех парней и девчат.

Любила сельская молодежь качели, старые заменяли новыми, но сооружали их на том же месте. Именно на качелях завидный парень Павел Черножуков впервые поговорил с будущей женой Надеждой. Конечно, он давно заприметил проворную, трудолюбивую и тихую синеглазую соседку. Она была единственным и поздним ребенком у своих родителей. Днем Надя работала на поле вместе с ними, а когда Павел проходил мимо, прятала глаза и смущенно отворачивалась. Если он пытался заговорить с ней, Надежда краснела и убегала домой. И только когда повзрослела и пошла с подружками на качели, Павлу удалось с ней заговорить. Ему сразу понравились и ее стеснительность, и скромность, и трудолюбие. К тому же их наделы располагались рядом, поэтому никто не возражал, когда парень и девушка решили пожениться.

Вскоре родители Нади умерли, межу распахали, объединив наделы. Супруги тяжело работали, но щемящее, волнующее ощущение того, что это их земля, не оставляло даже в самые трудные дни. Они мечтали об увеличении надела и шли к цели через тяжкий труд. Когда приходила зима, Надежда пряла полотно. При свете лампы сидела она за станком допоздна, чтобы ранней весной, в марте-апреле, когда в озеро стекутся воды и зальют зеленые луга, вынести туда на коромыслах полотно и отбелить на солнце. Со всего села собирались у воды хозяйки, чтобы рано утром разостлать полотно, а вечером забрать. Выбеленную ткань красили в разные цвета, чтобы сшить юбки девчонкам, а мальчишкам рубашки и брюки. Из некрашеного белого полотна шили нижнее белье, женские рубашки украшали

вышивкой, даже полотенца – и те мастерицы расцвечивали узорами. Надежда замечательно управлялась, хватало полотна и семье, оставалось и на продажу.

Однажды весной удалось продать Надино полотно и остаток зерна на посев. Тогда Черножуковы купили соседский надел земли. Сколько же радости принесло им первое приобретение! Надя плакала от счастья и готова была целовать эту землю. Их землю. Землю, за которой сейчас пришли, которую хотят забрать в коммуну. Вот так просто, будто они только что ее дали, а потом передумали и потребовали вернуть. Но это же не их земля! Она принадлежит Черножуковым, ведь на ней их пот, и кровь, и труд, и радость.

Глава 10

После возвращения из области, с совещания, Кузьма Петрович Щербак и Иван Михайлович Лупиков созвали коммунистов села.

– Товарищи! – торжественно начал Иван Михайлович. – Мы собрали вас, чтобы сообщить о грандиозных планах, которые мы с вами должны претворить в жизнь немедленно! На совещании в области руководство более детально ознакомило нас с документами ноябрьского пленума ЦК ВКП (б). На нем перед каждой областью была поставлена задача сплошной коллективизации. Для выполнения этой миссии в наше село и соседние хутора были направлены, как вы уже знаете, я, уполномоченный от Государственного политического управления, и Кузьма Петрович, наш парторг. Коммунистическая партия возлагает на нас с вами большие надежды. А что мы имеем на это время? В соседних селах уже прошла коллективизация, крестьяне массово записываются в колхозы, есть машинно-тракторная станция, куда государство прислало первые трактора и сеялки. Ускорение коллективизации заострило вопрос о судьбе кулачества. Недавно, в декабре этого года, на конференции историков-марксистов товарищ Иосиф Сталин поставил перед нами задачу ликвидации кулачества как класса.

Иван Михайлович так запальчиво говорил, что раскраснелся, запыхался и закашлялся. Кузьма Петрович предусмотрительно подал ему стакан воды. Мужчина опрокинул его одним духом и сразу же продолжил:

– А что у нас? Провели первое крестьянское собрание. Не буду скрывать, что лишь благодаря совету Кузьмы Петровича я не ставил на нем вопроса о вступлении в колхоз. Мы дали крестьянам время на размышления. Село расшевелили, как пчелиный улей. И какие пошли разговоры? – обратился он к коллегам-коммунистам, которые сидели молча напротив оратора. Кто-то из мужчин отвел взгляд, кто-то опустил глаза, но нашелся один, готовый дать ответ.

– Да, вы правильно сказали, – поднявшись, сказал Семен Семенович Ступак. – Село гудит как улей. Разное говорят о коммунах. У людей только и разговоров о колхозах.

– А скажи мне, Семен Семенович, готовы ли они к вступлению в колхозы? – прищурившись, спросил чекист.

– Как вам сказать... – запнулся мужчина.

– Говори как есть. Ты же коммунист!

– Готовых хоть сейчас вступить лишь единицы, – на одном дыхании выпалил Семен Семенович.

– Как это?!

– Есть желающие вступить, но это все бедные, очень бедные люди. У них маленькие наделы, много ртов, а скотины мало, – уточнил Ступак.

– А остальные? Что их не устраивает?

– Не хотят отдавать свое в общественную собственность. Понимаете, они еще не готовы распрощаться со своим добром.

– Их кто-то подстрекает? Морочит головы?

– Да нет, – неуверенно ответил Семен Семенович. – Привыкли иметь что-то свое, прикипели к нему, а все новое у нас в селе воспринимают настороженно. То есть я хочу сказать, что в колхоз пойдут, но не все.

– Богачи не подстрекают людей?

– Не слышал этого, врать не буду.

– Большое партийное вам спасибо! – сказал Иван Михайлович. – Товарищи! Вот на таких принципиальных коммунистов мы с вами должны опираться! Мы призваны воплотить

в жизнь проект великих преобразований пятилетнего плана, принятый партией еще в прошлом году. Главная его задача заключается в том, чтобы капиталистический мир в экономическом отношении догнать и даже перегнать. Наш дальновидный старший товарищ Сталин предвидит, что реализация плана может встретить сопротивление некоторых крестьян, которых мы должны лишить собственной земли. Но он мудро сказал: «Не разбив яиц, не поджаришь яичницу». Поэтому, товарищи, несознательным элементам мы не должны заглядывать в рот. Нужно рубить с плеча! Хватит кулакам эксплуатировать народ! Никаких батраков! Свободный труд на свободной земле! – уже кричал, надрывая голос, чекист. Он закончил, запыхался, снова выпил воды. – Кулаков заставим отдать землю колхозу, – сказал он хриплым голосом.

– Можно мне слово? – поднял руку парторг.

– Прошу, – ответил Иван Михайлович.

– Согласен с товарищем Лупиковым, – сказал он, вставая. – Государство на пороге великих преобразований. По стране широкой поступью идет коллективизация. Люди добровольно пишут заявления о вступлении в колхозы. Обратите внимание: добровольно! Если наши односельчане не хотят идти – это мы недоработали, плохо вели разъяснительную работу. Мы должны спешить, но до следующего собрания у нас есть еще немного времени. Я обращаюсь к директору школы: проведите работу с учителями. Их мало, но они должны поговорить с родителями учеников. Нужно самим идти по хатам, а также считаю целесообразным подключить к работе комсомольцев. Из них потом сформируем актив. Особое внимание мы должны обратить на сельских богачей.

– Черножуковых? – даже подскочил на месте взволнованный Семен Семенович.

– Не только. Есть много людей, у которых неплохие наделы земель, большое хозяйство. Без них, без их наделов и хозяйства, трудно будет основать колхоз. Кажется, у меня все, товарищи, – закончил речь Щербак и сел на место.

– А если богатые не захотят в колхоз? Что тогда? – опять заерзал на месте неугомонный Ступак.

– Сначала проведем разъяснительную работу, а на собрании посмотрим, – ответил парторг.

– Я прибавлю к сказанному, – поднялся с места чекист. – Дадим возможность богатым добровольно написать заявления и передать имущество и земли в общественную собственность. Если не пойдут, при всем народе объявим их кулаками, чтобы навсегда ликвидировать кулачество как класс. И в дальнейшем не будем пускать кулаков в колхоз! Те, кто напишет заявление о вступлении, будут освобождены от налогов, а кулаки пусть попотеют, чтобы заплатить налоги, которые будут для них увеличены, – опять почти кричал раскрасневшийся Иван Михайлович. – А мы будем строить новую, светлую жизнь для себя и своих детей. Вот такие люди, как вы, товарищ, нужны партии. На собрании я буду выдвигать вашу кандидатуру на должность председателя колхоза. Вы, как я догадался, воевали? – намекнул Иван Михайлович на хромоту мужчины.

– Благодарю за доверие, – откашлявшись, сказал Семен Семенович. – Да, я воевал в Красной армии, там получил ранение.

– Такие люди нам ой как нужны!

– Я оправдаю ваше доверие!

– Не только мое, – уточнил Иван Михайлович, – доверие нашей родной коммунистической партии! – пафосно произнес он. – Товарищи, есть еще вопросы?

– Хотелось бы знать, что все-таки будет с теми, кто откажется отдавать свою землю добровольно? – несмело спросил председатель сельсовета Максим Игнатьевич.

– Разъясняю, – серьезно заявил уполномоченный. – Земля тех, кто напишет заявление о вступлении в колхоз, сразу же с заявлением отойдет в общественную собственность. Но

это не значит, что землю отрежут по самую хату. Для ведения хозяйства оставим людям часть надела. А вот кто откажется... Пошады пусть не ждут! Колхозам – быть! Это я заявляю ответственно! Прижмем кулака, да так прижмем, что аж пищать будет! Лучше перегнуть, чем недогнуть! Так, товарищи?

Присутствующие дружно зааплодировали в поддержку однопартийца.

Глава 11

В воскресенье Павел Серафимович вернулся из города только после обеда. Варя с матерью уже и на дорогу несколько раз ходили его высматривать: не случилось ли чего с ним? Ведь повез ночью целую подводку зерна, бочку квашеной капусты и кое-что с огорода. Обычно он возвращался к обеду, все распродав, поскольку дорого не просил. И, как назло, с самого утра поднялась метель. Еще с вечера земля была голая, поэтому Павел Серафимович запрыг телегу, а к обеду уже намело приличные сугробы.

О возвращении отца сообщил Туман радостным лаем и повизгиванием.

– Ждал меня, собачище? – услышала Варя знакомый голос.

– Папа вернулся! – вскрикнула радостно. – Мама, я помогу коня распрячь! – бросила она матери, надевая кожушок.

Мать не успела и рта раскрыть, как девушка уже была во дворе. Пока отец заносил мешки в дом, Варя ловко распрягла уставшего коня, завела в конюшню, принесла ему теплого поила.

– Согрейся немножко, – ласково говорила она, протягивая кусочек сахара. – Ешь быстрее, пока нас никто не застукал, – сказала она и улыбнулась: конь так смешно, осторожно взял кусочек из ладони одними губами, захрустел и опять посмотрел на девушку. – Имей совесть! Пей теперя, а я тебе сенца положу.

Через мгновение девушка была уже в доме. Еще бы! Отец никогда с пустыми руками с базара домой не возвращался. Он всегда привозил какие-то подарки, а в этот раз пообещал купить ей новенькие сапожки. Как-то в городе познакомился с хорошим сапожником, с тех пор покупает обувь только у него.

Мать пошла доставать горшки с едой из печи, но Павел Серафимович сказал:

– Можешь не спешить, все остынет. Хочу своей Ласточке гостинцы отдать.

– Не маленькая, – заметила мать, – подождет.

– Да, папа, – поддержала Варя мать. – Вы поешьте с дороги, согрейтесь, а потом...

– Никаких потом! – улыбнулся отец. Он достал из мешка черные сапожки. – Держи!

– Ой! Какие же красивые! – Варя захлопала в ладошки.

Отец посмотрел на дочку. Сколько радости на лице! Глаза светятся. Уже и девушка, а выражение лица до сих пор такое наивное и детское...

– Спасибо, папа! – Варя сразу примерила обновку. – Как на меня шиты! А еще и шну- рочки есть! Такие хорошенькие!

– Носи на здоровье! – произнес отец и довольно улыбнулся. – Это еще не все. Вот вам с матерью по теплему платку! – сказал он и подал два больших шерстяных клетчатых платка.

– Зачем ты мне купил? Лучше бы Оле подарил, – беззлобно упрекнула жена, рассматривая подарок.

– И об Оле не забыл! Точь-в-точь такой и ей прикупил. Хотел раздать подарки на Рождество, а потом подумал: зачем ожидать? На дворе стужа, поэтому грейтесь, девочки мои, и отца не забывайте!

– Такое скажете, папа! Как мы можем вас забыть?!

– Всякое, доченька, в жизни бывает, – вздохнул отец. – Михаилу новые валенки купил.

– А себе? – спросила Варя.

– Разве я для себя живу? Для вас, дети, для вас.

– Папа, а можно я свои старые сапожки Ганнусе подарю? – осторожно спросила Варя.

– Какие же они старые? Они еще хорошие, даже не чиненные, – ответил отец. – Одни намокнут, так другие можно будет обуть.

– Варя, – в разговор вмешалась мать, – я понимаю, что ты у нас щедрая душа. Признайся, коню успела подсунуть кусок сахара?

– Небольшой кусочек, – созналась Варя и зарделась.

– И бусы красные успела подружке подарить?

– Да. – Варя опустила голову и снова покраснела.

– Я уже промолчала о бусах, потому что это игрушка, забава девчоночья. Но сапоги – совсем другое дело. Это дорогой подарок. Понимаешь? Нельзя весь мир обогреть, ты же не солнце. И мы не такие богатые, чтобы сапоги раздаривать налево и направо!

– Но я же не кому-то, а Ганнусе хотела подарить, – тихо произнесла Варя. – Мы с ней выросли вместе, она мне как сестра.

– Пусть отец свое слово скажет, – отозвалась мать. – Я против.

– Папа, что же ты молчишь? – Варя с надеждой посмотрела на отца.

– Что я должен сказать? Ты уже не ребенок, должна понимать, что сапоги не у всех есть, потому что это вещь дорогая.

– Папа, но у нее совсем дырявые сапоги!

– Так пусть отец починит.

– Но... Но... – Варино лицо мгновенно стало красным. Набравшись смелости, сказала: – Клянусь, что больше ничего не буду раздавать, но я уже пообещала Ганнусе, что отдам их! И что же мне теперь делать?!

– Плохо, когда человек не хозяин своего слова, – ответил отец. – А еще хуже, когда надежды не осуществляются. Только поэтому я позволяю тебе сделать этот подарок, но запомни: в последний раз!

– Спасибо! – просияла девушка, и в ее глазах заблестели слезы. – А вот и Ганнуся! – вскрикнула она, кинувшись к окну. – А я слышу: калитка скрипнула! Так и подумала, что это моя дорогая подружка! – весело щебетала девушка. – Я пойду?

– Лети уже, Ласточка, – усмехнулся в усы Павел Серафимович.

А уже через мгновение в старой хате Черножуковых две подружки щебетали, смеялись и расхаживали в кожаных сапожках.

Глава 12

Под вечер метель немного утихла и пошел тихий благостный снежок. Село сразу будто повеселело, ожило. Припорошенные снегом хаты побелели, стали наряднее, будто загордились под новыми шляпами. Черные поля и огороды задремали, согреваясь под новеньким одеялом. На улицу выбежала детвора, кто в собственной обуви, а кто и в родительской – грех не осыпать друг друга первым снегом, не пройтись в валенках по девственному, не затоптанному людьми и скотом снежному ковру.

Павел Серафимович как раз засмотрелся в окно, наблюдая за детской возней возле небольшого сугроба, когда заметил кобзаря Данилу и его поводыря. Мужчина сразу же вышел на улицу, пригласил их в дом. Данила зашел, отряхнул снег с шапки и кожуха, вежливо поздоровался с хозяевами.

– Деточка, ты же совсем замерз! – заохала хозяйка. – Разувайся и лезь на печь отогреться!

Пока Павел Серафимович провожал гостя к столу, жена высыпала из котомки на печь мешочек проса, простелила кожух.

– Залезай, Василек, – скомандовала она. – Да побыстрее! Ложись на кожух, а я тебе еще и одеяло теплое принесу. Еще моя мама (царство ей небесное!) научила меня, как отогреваться, чтобы не заболеть, – говорила она мальчишке, который не переставал трястись от холода. – А теперь попей горяченького молочка с медом. Отогреешься, потом я тебя, детка, накормлю.

– Спасибо вам, – тихонько сказал парнишка. Он выпил молоко, свернулся калачиком и сразу же закрыл глаза. Женщина осторожно накрыла его одеялом, но Василек этого уже не слышал: он крепко заснул.

Павел Серафимович подождал, пока старик поест клецки с жареным луком, подал ему еще теплого узвара.

– Благодарю тебя, добрый человек! – сказал Данила, поев. – Пусть тебя Бог бережет и посылает всех благ за твое милосердие!

– Пошлет ли? – задумчиво произнес Павел Серафимович. – Ждал я тебя, Данила, давно ждал.

– И что ты хотел услышать?

– Тревожит меня эта коллективизация.

– Не тебя, хозяин, одного, – сказал старик. – Всюду что-то творится непонятное и плохое.

– Расскажи мне, идут ли люди в колхозы? – поинтересовался мужчина.

– Идут те, кому терять ничего. Если всю жизнь прожил с голым задом, то какая ему разница, где дальше быть? Не все ли равно, где им светить? И что такому терять? Если нет хаты, то и пожара бояться нечего. Разве я не правду говорю?

– Да, – согласился мужчина, – ты всегда правду-матушку говоришь, потому и хочу тебя послушать.

– Если у бедняцкой семьи был небольшой надел земли и одна корова, что ей терять? У таких нечего забирать, поскольку все равно небольшие наделы для собственного хозяйства оставляют. Вот такие крестьяне и записываются в коммуны. А больше всего страдают те хозяева, кто приобрел себе и земли, и скот, и инвентарь. Запугивают их: кто не пойдет в колхоз добровольно, отберем все силой.

– И отбирают?

– Слышал, что уже есть такие случаи. Был хозяин своего надела, стал кулаком, врагом советской власти. А какой из того человека враг? Вот у тебя достаток, а не задрал же нос

так, что и кочергой не достанешь, не отвернулся ни от Церкви, ни от Бога, ни от людей. Что ты плохого сделал советской власти? – уже тише продолжал кобзарь. – Налоги заплатил? Заплатил! Что-то украл? Нет! Кого-то обидел, плохим словом обозвал? Тоже нет. Мог бы меня, старого слепца, не пустить погреться? Да, но ты всегда был к людям обращен лицом, а не спиной. Какой из тебя враг?

Ничего на это не ответил Павел Серафимович, лишь еще больше нахмурил брови. Старый странник был прав и своими словами выразил все его мысли.

– Да мало того что коммунисты объявляют их кулаками, начинают целую войну против трудолюбивых людей, так еще и середняков, которые не записываются в коммуну, подкулачниками назвали.

– И они тоже враги?

– И они также! Совсем недавно люди завидовали настоящим хозяевам, тайком мечтая разбогатеть, иметь хорошие надель, много скота. А теперь что? Богатые завидуют бедным, потому что тех никто не трогает. Поэтому получается, что трудолюбие уже не в почете? Лучше быть лодырем и бедным, чем хозяином? Я вот век прожил, всего по миру наслушался, но чтобы бедность была в почете? Нет, такого еще не было, – рассуждал старик. – А теперь всем заправляют коммунисты и комсомольцы. А кого туда принимают? Нет, не настоящих хозяев, а самых бедных. Правильно ли это? Один Бог знает, а я лишь Его творение.

Старик умолк. Павел Серафимович сидел напротив него за столом, положив на колени большие натруженные руки.

– Так теперь я должен стыдиться своего достатка? – с легкой иронией в голосе спросил он.

– Может, не стыдиться, но и не показывать, что имеешь достаток, – почти прошептал Данила.

– Поля в камору не спрячешь.

– Согласен, но мудрые люди уже лазейку нашли, – шептал кобзарь, словно кто-то мог подслушать.

– Какую? – вполголоса спросил Павел Серафимович.

– Не знаю, добрый человек, поможет ли тебе это, но слышал, что некоторые состоятельные люди поля делят, чтобы их не отобрали коммунисты.

– Как это? – поинтересовался мужчина.

– Отписывают на сыновей, на родственников или кого другого – временно, по договору. Вот смотри, у тебя большой надел, ты договариваешься с кем-то, делишь землю, половину кому-то отписываешь, и все! Пришли к тебе чекисты землю отбирать, а ты им бумажку, документ, значит. Смотрите, говоришь, я свою землю сыну отдал, поэтому у меня нечего забирать, остался небольшой надел. Должен же ты где-то огород посадить? Не так ли?

– Хорошая подсказка! – довольно отозвался мужчина. – И правда, можно же разделить землю. Но получится ли у меня?

– Деньжат приплатите кому надо, так переписут надел и документы выдадут, – сказал старик, многозначительно подняв палец.

– Гм... Надо попробовать, – рассуждая о совете кобзаря, сказал Павел Серафимович. – А скот? Его же не поделишь?

– И скотину так же делят! – возбужденно сказал старик. – У кого было две коровки, отдают родственникам по договоренности одну. Опять же: пришли к тебе, а в хлеве только одна корова. Что здесь забирать?

– А если много коров? А еще и бык, лошади, куры, гуси, кроли. Что с ними люди делают?

– Если не удалось разделить, то продают скот. Слышал, что на базарах полно и мяса, и кож, и живого скота. Лучше уж перевести хозяйство в деньги, чем даром отдать в коммуну. Разве не так?

– Оно-то так, но жалко, ой как жалко хорошую и ухоженную скотину! Бывало, гоню утром на пастбище стадо, а меня от гордости распирает: мои буренки самые лучшие, упитанные, сытые, большие, вымя до земли, кони статные, вычищенные до блеска, подкованные. И теперь я должен свою гордость сбыть?

– А что делать? Сейчас за коня можно наторговать сто рублей. Но цена на них вот-вот упадет, потому что ты не один такой, кто хочет выгодно продать. Уже на базаре целые ряды лошадей и коров, и с каждым днем все больше скота пригоняют на продажу. Многие люди не хотят даром отдавать свой скот, поэтому и спешат от него избавиться. Как-то слышал от людей, что в некоторых местах добрый конь уже стоит девяносто, а то и восемьдесят рублей. Дороже не будет, а вот упасть цена может. Скотину отобрать можно, а деньги как ты заберешь? Правильно я говорю?

– Да, Данила, да, – думая о чем-то своем, ответил хозяин.

– А кур, гусей, кролей, – продолжал Данила, – наверное, не будут отбирать. Где же человеку кусок мяса взять или яйцо ребенку? Не так ли?

– Правильно ты говоришь, Данила, – вздохнул Павел Серафимович. – Только беспокоит ли это кого-то?

– И вот еще что слыхивал, – продолжил кобзарь, – коммунисты закрывают церкви, снимают колокола, а священников арестовывают.

– Господи! – Мужчина размашисто перекрестился. – Безбожники! И Христа на них нет! Где же тогда людям Богу помолиться? Кто детей крестить будет? Молодых венчать? И жить не дают, а умрешь – некому будет отпеть. Что же это делается?! И чем батюшка-то провинился? Чем он им не угодил?

– Частенько люди шли в церковь, чтобы не только помолиться, но и посоветоваться со священниками, а те против колхозов. Говорят, что и в воскресенье будут люди в коммуне работать, и в праздники, ведь для коммунистов Бога не существует.

– Антихристы! Безбожники! И не боятся наказания Божьего!

– Они ничего не боятся, потому что власть в их руках.

– Но на все же есть воля Божья.

– Есть. И придет время, когда безбожники будут наказаны, а сейчас коммунисты и комсомольцы возомнили себя и царями, и богами на земле, – глухо произнес старик. – Но ты, добрый человек, о нашем разговоре – никому! И сам осторожней будь в словах. Если меня накажут – не беда, я уже век свой прожил. Да и терять мне нечего. Разве что кобзу жалко, – улыбнулся в усы Данила. – Хороший инструмент, таких остались единицы.

– И кобзарей таких, как ты, – прибавил Павел Серафимович.

– Поговорил с тобой, отогрелся, наелся-напился, пора и честь знать. Разбужу парнишку и отправлюсь дальше.

– Куда ты пойдешь? Сейчас люди подойдут тебя послушать, да и ночь скоро. Оставайся здесь. Можешь пожить, сколько тебе надо. Пока есть хлеб на столе – до тех пор буду им угощать.

– Спасибо тебе, – поклонился старик. – Переночую и пойду по свету дальше. Со мной ничего не случится, а вот Василек может заболеть.

Скрипнули двери, впусив морозные клубы. К дому начали подходить крестьяне, чтобы послушать песни и рассказы Данилы. Зашла и Варя со своей неразлучной подругой. Павел Серафимович улыбнулся сам себе: девушки были в сапожках и все стреляли глазками, любуясь обувью.

– Будь дома за хозяйку, – шепнул Варе отец, – нам с матерью надо отойти по делам.

– Хорошо, – кивнула она. Девушка подняла голову и с благодарностью посмотрела отцу прямо в глаза.

– Вот видишь, – сказала Варя Ганнусе, как только отец вышел из дому. – Хотела сегодня поговорить о нашей с Андреем женитьбе, но опять не получится. И так всегда: то одно помешает, то другое, – вздохнула она. – Хорошо, что хоть есть кому поддержать.

Ганнуся пожала ей руку, успокоила, и уже через мгновение девушки заслушались новой песней, которую припас слепой Данила.

Глава 13

Павел Серафимович шел по селу молча. Жена попыталась с ним заговорить, но тот был какой-то растерянный, отвечал невпопад. Надежда хорошо знала мужа: если погрузился в свои мысли, то бесполезно вытаскивать его оттуда. Поэтому тоже шагала молча, любуясь обновленными улицами. Полная луна в окружении мерцающих ясных звезд разливала свое серебряное сияние, отчего снег отсвечивал еще более яркой белизной.

«Странно, – подумала женщина, – после обеда была метель, а потом так внезапно прекратилась, как и появилась, дав волю зиме сыпнуть молодым чистым снежком. На ночь тучки, вытряхнув из себя снег, как перья из подушки, куда-то исчезли, освободив место ночным светилам. Если бы и в жизни что-то изменилось так быстро, положив конец опасениям и ожиданиям чего-то тревожного и неизбежного», – размышляла она, едва поспевая за мужем.

Павел Серафимович шагал по улице родного села. В отличие от жены, он не замечал изменений, потому что были более важные дела. Разговор с кобзарем внес в его душу лучик надежды. Сейчас положение казалось ему не таким безвыходным. Он хорошо осознавал, что его планы на будущее разрушены, но конец света еще не наступил. Иногда нельзя изменить судьбу, потому следует смягчить ее удары, сделать более милостивой. Нужно будет пойти в церковь, пока ее не закрыли, попросить отпущения грехов и получить благословение. А чтобы судьба не выбила стержень, который его держит на этом свете, надо прислушаться к совету кобзаря. Его опора – своя земля. И нужно сделать все возможное, чтобы коммунаки не выбили эту опору из-под ног.

Мужчина так задумался, что чуть не миновал хату Гордея. В окнах светило. «Наверное, еще ужинают», – подумал Павел Серафимович, открывая дверь.

Супругам повезло. Они застали у Гордея еще одного брата – Федора. Павел Серафимович раздал племянникам гостинцы, которые привез из города. Через мгновение дети уже сидели на печи, облизывая со всех сторон сахарных «петушков». Жена Гордея Екатерина, приветливая полнолицая женщина, пригласила к столу, но Павел Серафимович отказался, сославшись на неотложный и важный мужской разговор. Он рассказал братьям о совете Данилы.

– Мне не на кого отписать землю, – сказал Гордей. – Дети еще маленькие, а соседи не те люди. Они прониклись завистью и, когда услышали о колхозах и о том, что землю будут отбирать, ходят, потирая руки. Как только выхожу на улицу, встречаю их ухмылки, еле сдерживаются, чтобы не уколоть. У нас три лошади и три коровы в своем хозяйстве. Неужели отберут?

– Может, все-таки продашь одну корову и лошадь? – осторожно спросил Павел Серафимович. – Деньги можно спрятать, а как все утрясется, снова купить скот.

– Я подумаю, – отозвался брат.

– У нас с Оксаной нет детей, – вступил в разговор Федор, – но попробую поговорить с кумом Костей Цимбалюком. Мы вместе с ним крестили Гордеевых детей, у него небольшой надел, потому что еще не успел приобрести землю. Мне кажется, Костя согласится, если, конечно, не испугается. У меня пять лошадей. Жалко мне их продавать, добрые кони, откормленные, сильные. Даже не знаю, что делать. Наверняка знаю одно: мне терять нечего, потому я свое так просто никому не отдам. Пусть меня сначала убьют, а потом забирают.

– Зачем ты так, брат? – сказал Павел Серафимович. – Мы, Черножуковы, сильные и живучие. Будем и дальше жить! Не так ли?

Братья еще немного поговорили, и Павел Серафимович с женой пошли к Ольге.

К удивлению супругов, в хате старшей дочери не было слышно привычного детского шума. Ольга, бледная, как только что побеленная стена, лежала на кровати. Ее муж тревожно

и как-то растерянно поздоровался и сразу же сел на стул. Возле Ольги сидела Улянида. Она даже головы не повернула в сторону гостей. Это не удивило Павла Серафимовича и его жену: они знали чужаковатость сельской знахарки. Но то, что Улянида сидит около дочери, заставило их встревожиться.

– Что случилось? – Мать быстро, не раздеваясь, подошла к дочери и только тогда увидела, что у той уже нет большого живота.

Ольга утомленными грустными глазами посмотрела на мать.

– Я потеряла ребенка, – тихо произнесла женщина.

– Как это? Тебе же время рожать.

– Понесла ее нечистая на чердак, – вступил в разговор Иван. – А там стремянка старая, не выдержала, обломилась перекладина, она и упала сверху.

– Стремянка старая! – возмутился Павел Серафимович. – Сразу видно, какой из тебя хозяин! Руки из одного места выросли, что ли?!

– Тихо! – остановила Надежда ссору, вот-вот грозившую вспыхнуть. – Нашел время упрекать! – обратилась она к мужу. – И что же дальше?

– Дальше? – продолжил Иван. – Олеся побежала за Улянидой, а потерявшую сознание Олю я перенес в хату. Думал, что разбилась насмерть, прислушался, а она дышит, хрипло так, но дышит. У нее кровотечение началось сразу же.

– Что с ребенком? – с тревогой спросила жена.

– Он родился мертвым, – ответила Ольга еле слышно. – Наверное, убили, когда я упала.

– Горе-то какое! – запричитала мать. Она не сдержалась, из глаз горохом покатались слезы. – И кто же был?

– Девочка. Хорошенькая такая, но вся синяя, – отозвалась Ольга.

– Где она? – спросила мать.

– Похоронили в садике.

– А почему же не под крыльцом? Старые люди говорили... – начала женщина, но дочка ее остановила:

– Мама, времена уже не те. Какая, наконец, разница, где похоронена? В садике ребенку будет спокойнее.

– А ты как, Оля?

– Голова очень болит, – пожаловалась дочка.

– Ударилась головой? И сильно? Не разбила? – встревожилась мать.

– Уже кровь не идет, – низким голосом отозвалась Улянида. Она дала Ольге выпить из ложки несколько плотков темно-коричневой травяной настойки. – Это снимет боль.

Улянида поднялась, пристально взглянула на собравшихся, словно лишь сейчас увидела их.

– Она должна до завтра лежать на спине на голых досках, – сказала, глядя куда-то мимо. – У нее повреждена спина.

– Что?! – Мать в отчаянии всплеснула руками. – Она повредила спину? Ходить хоть будет?

– Смотрите. – Улянида повернулась к больной. – Пошевели большим пальцем ноги. Видите?

– Что мы должны увидеть? – дрожащим голосом спросила женщина.

– Пальцы шевелятся, значит, ходить будет, – сказала знахарка, а потом добавила: – Если будет делать то, что я скажу. Хребет я ей вправила.

– Спасибо тебе! Дай Бог тебе здоровья!

Улянида будто не слышала ее слов. Она молча оделась, накинула платок. Не прощаясь, вышла из хаты.

– Я провожу! – подхватился Иван.

– Не забудь отблагодарить женщину! – бросила ему вдогонку теща. – Да не скупись, дай и сала, и яиц, и яблочек сушеных. – Но Иван уже не слышал.

Отец и мать еще немного поговорили с дочкой, пытаясь ее поддержать, но Ольга то ли не любила сантиментов, то ли не привыкла к жалости.

– Говорите уже, чего пришли, – обратилась она к родителям.

Павел Серафимович коротко рассказал о совете Данилы.

– Иван и его старики мыслятся идти в колхоз, – сказала Ольга. – Я же не пойду. Да и кто за детьми смотреть будет? Справляться с хозяйством? Я здоровая, но не стожильная. Свою землю, которую получила в приданое, никому не отдам. Это мое последнее слово.

– Чувствую родную кровь, – довольно произнес Павел Серафимович. Он уже хотел прощаться и уходить, но вовремя спохватился: – Чуть не забыл! Здесь детям гостинцы, отдашь завтра, скажешь, что от деда и бабушки. А это тебе наш подарок! – Отец достал из сумки клетчатый платок.

– Спасибо. – Ольга слабо улыбнулась. – Укройте меня, что-то морозит.

Зашла Олеся, чтобы посидеть возле матери.

– Вы идите, – сказала девушка, – я побуду с мамой.

Надежда порывалась остаться на ночь или по крайней мере дождаться Ивана, но дочка отказалась:

– Оставьте меня. Я хочу отдохнуть.

Павел Серафимович кивнул жене: идем! Он хотел навестить еще к Михаилу. Сын тревожил его больше всего. Черножуковы держались все вместе, а Михаил всегда был как отрезанный ломоть, сам по себе. Все члены их семьи помогали друг другу, поддерживали чем могли, а сын и помощи не просил, и сам с ней не торопился. Будто в нем не течет кровь Черножуковых. Да и хозяин он никудышный, нет той жилки, которая есть у всех близких родственников. Почему он вырос такой? Воспитывались же дети одинаково, росли вместе, на одной земле, а не стал он настоящим хозяином. К сожалению.

Павел Серафимович отдал внукам гостинцы, сел на скамью. Михаил даже не пригласил родителей к столу, сразу спросил:

– Пришли меня учить жить?

– А что мне тебя учить? – Павел Серафимович улыбнулся уголками губ. – Моя мать говорила: учат, пока ребенок поперек кровати лежит, а ты уже давно вдоль. Пришли с матерью узнать, что намерен делать.

– Еще есть время подумать, – ушел от ответа сын. Павел Серафимович уже втайне обрадовался, решив, что Михаил накануне погорячился, но сын сказал: – Окончательно не решил, но понял, что не хочу жить, как вы.

– Как мы? – Брови мужчины удивленно поднялись. – Мы что-то делали не так?

– Как?! Как?! – раздраженно повторил Михаил. – Я не хочу с утра до ночи горбатиться на своем поле!

– Ну да! На чужом лучше.

– Я в том смысле, что нельзя всю жизнь работать, работать и работать. Не хочу, чтобы мои дети всю жизнь в навозе просидели. Хочу новой, лучшей жизни!

– Вот как ты заговорил! Так отдай все в коммуны. Зачем тебе коровы? Дети и без молока и сметанки проживут. А сам сиди дома, плюй в потолок или воробьям кукиши крути – все же какое-то занятие.

– Я не сказал, что буду сидеть сложа руки.

– Может, достаточно? – Надежда коснулась руки мужа.

– Получается, все-таки ты собрался идти в коммуны? – уже спокойно спросил отец.

– Я же сказал: еще не знаю, – ответил сын.

– Возьми, – отец положил валенки на скамью, – будешь идти в колхоз – обуешь. Может, в них быстрее побежишь туда. Да и неизвестно, выдадут коммунисты тебе новые валенки или и дальше будешь голыми пятками сверкать.

Михаил отвернулся, ничего не ответив. Павел Серафимович кивнул жене:

– Идем, Надя, домой, уже поздно, а нам завтра рано вставать. Спокойной ночи, сын, – обратился он к Михаилу.

– Пока, – буркнул тот, не глянув на родителей.

Глава 14

Иван Михайлович любил лозунги. Верил, что меткая надпись на красном сдвинет сознание крестьян, хотя и понимал: большинство людей, которые придут на собрание, неграмотны. Его мало беспокоило, что лозунг прочтает меньшинство, поэтому он собственными руками старательно сделал надпись на красной ткани: «Кто не вступит в колхоз, станет врагом советской власти». Иван Михайлович даже вспотел, пока вывел последнюю букву. Вытерев пот на лбу платком, сделал последний штрих – поставил в конце надписи большой жирный восклицательный знак. Мужчина сел на стул, любуясь своим творением. Неплохо было бы написать что-то из слов товарища Сталина, который недавно объявил переход к полной ликвидации кулачества как класса, но, хорошенько подумав, решил пока что воздержаться. Кто знает, что у этих куркуляк на уме?

Коммунисты обошли все дворы, провели большую разъяснительную работу, выявили, что часть крестьян уже готова хоть сейчас написать заявление о вступлении в колхоз. Кое-кто колеблется, но это дело времени. Тревожило почти открытое враждебное отношение некоторых крестьян к созданию колхозов. Но Лупиков не из тех, кто так просто сдается или отступает. И пусть его фамилию переименовали, сделав посмешищем, – он потерпит и дожидется своего часа. Его обидчики еще не знают, какой он стойкий, выдержанный и настойчивый коммунист. Соппротивление кулаков будет сломлено – Иван Михайлович был в этом уверен. Главное, чтобы большинство крестьян написали заявления, а с меньшинством он управится.

– Товарищи! – торжественно произнес Иван Михайлович. В помещении, где завис серовато-прозрачный едкий табачный дым, наступила тишина. В оратора впились сотни любопытных глаз крестьян, которых созвали на собрание. – Свое выступление хочу начать со статьи товарища Сталина, который констатировал, что в настроении крестьян произошел перелом в пользу колхозов. Хочу отметить, что нами была проведена большая работа с каждым односельчанином. Мы выявили, что есть много сознательных людей, которые правильно понимают политику нашего государства. Колхозам быть! – Он захлопал в ладоши.

Его поддержали коммунисты и комсомольцы, сидевшие на сцене за столом, однако в зале царил тишина. Докладчик продолжил описывать все преимущества общего хозяйства, но языкастый старый Пантелеймон не удержался, брякнул: «Есть будем всем селом из одной миски?» Его слова сдвинули лед молчания, послышались смешки и разговоры. Чекист с некоторым раздражением призвал к тишине и продолжил доклад.

Сзади, на последней скамье, сидели все Черножуковы. Крайней в ряду, рядом с Варей, примостилась Ганнуся. Девушка нарядилась празднично: запахнулась цветастым платком, обула подаренные сапожки; чтобы видны были новые красные бусы, расстегнула кожух. Когда выступающего понесло и он начал угрожать тем, кто «вцепился в свое хозяйство руками и ногами», Варя тайком взглянула на отца. У Павла Серафимовича руки сжались в кулаки, даже косточки побелели. Рядом с отцом – бледная как мел мать. Варе стало страшно. По привычке она хотела взять под руку подругу, но та отстранилась.

Зал то замирал в тишине, то взрывался возгласами и возмущением, то заполнялся безудержным хохотом. Наконец Лупиков подошел к основному – записи в колхоз – и предложил присутствующим высказаться.

– Я вам так скажу, – подала голос с места Одарка, – мне нечего делать в вашем колхозе. Я – вдова, у меня пятеро детей, но они у меня сыты и одеты. Имею хозяйство, с которого кормлю свою семью, огород, небольшой надел под рожь. Мне нужно обрабатывать все это, смотреть за детьми, стирать им, готовить есть. Так когда мне еще ходить на работу? С кем оставлять малышей? Сдать коровок в общее хозяйство? А чем поить детей?

– У тебя сиськи – как вымя у коровы, хватит молока всем! – крикнул какой-то мужик. Кто-то засмеялся, но женщина даже не улыбнулась шутке.

– Оно-то так, – продолжила она, – но, извините, я все же не корова, моего молока на всех детей не хватит. Поэтому вы здесь спорьте сколько угодно, а мне пора: дети дома одни остались.

Одарка поднялась, накинула на голову платок, степенно пошла к выходу. А когда позади услышала голос чекиста с угрозами отобрать и землю, и коров, женщина вернулась. Она сложила пальцы в два больших кукиша.

– Вот тебе, а не моих коров! – ткнула она кукиши Лупикову и ушла, гордо задрав голову. Зал взорвался смехом, а уполномоченный прямо-таки побагровел.

Когда немного стихло, Иван Михайлович придиричиво посмотрел на тех, кто сидел в последнем ряду.

– А вы, Черножуковы, что скажете? – обратился к ним. Мгновенно воцарилась тишина.

– Хочешь услышать мое мнение? – Федор поднялся. – Скажу сразу: я не пойду в колхоз.

– Мы уже на «ты»? – спросил Лупиков. – Я с тобой телят не пас.

– Вот это и плохо. Если бы пас, то знал бы, как эти телята достаются. Предупреждаю: ко мне можете не приходите, я своего ничего не отдам.

– Таких, как ты, будем ссылать, выгонять из села поганой метлой! – заорал коммунист. – Несознательным элементам нет здесь места!

– Ссылай! Убивай! Режь меня! Жги! – твердо, уверенно и громко сказал Федор. – Но ты не имеешь права заставить меня идти в коммуну!

– Имею! Имею полное право.

– И кто же тебе дал такое право: принуждать честных людей?

– Советская власть, коммунистическая партия дала мне такое право! – с гордостью заявил Иван Михайлович. – А ты – кулак, который нажился за счет батраков.

– Ошибаешься, чекист, у меня нет батраков.

– А мне сейчас безразлично, есть они или нет. Я знаю одно: среди наших сознательных крестьян тебе нет места.

– Ишь, как он запел! – завопил с места Осип Петухов. – Хватит кулакам трястись над своим добром! Отобрать у них все! Коров отдать в коммуну! Я буду первым, кто напишет заявление в колхоз!

– Я – второй! – поднялся его брат.

– Я тоже хочу написать заявление! – Ганнуся вскочила с места.

– Вот видишь, кулацкая рожа, – довольно сказал Лупиков, – молодежь лучше понимает перемены, которые пришли в нашу жизнь!

Варя оторопела. Она взяла за руку Ганнуся, но та резко ее выдернула и подбежала к столу, встала рядом с уполномоченным.

– Люди, – сказала она, покрасневшись, – я хочу сказать: достаточно гнуть спины, трудясь на кулаков. Я и мой отец много лет работали на богача, не видя белого света. И просвета не было б, если бы не образование колхозов. Только теперь я буду чувствовать себя хозяином свободной земли, где мы все вместе будем днем работать, а вечером отдыхать. Я стану свободной в колхозе, потому что буду знать, что работаю не на кого-то, а на себя. А что я имела до этого? Каторжный труд, и все! Для чего? Чтобы кулаки сумки деньгами набивали? Хватит! Пришло мое время! Я буду третьей, кто напишет заявление! – горячо воскликнула она.

Варя с трудом улавливала слова подруги. Не верилось, что такое могла говорить ее милая Ганнуся, которую родители любили как родного ребенка, одаривали на праздники. Она же ела с ними из одной миски! Как она может?!

– Я еще хочу сказать, – продолжила Ганнуся. – Я много работала на кулака, а что заработала? Знаете, чем Павел Серафимович со мной рассчитался? Вот этими дырявыми ста-

рыми сапогами! – Девушка приподняла подол платья, демонстрируя обувь. Варю будто обухом по голове ударили. Слова подруги резанули сердце, как серп спелые колосья. – Я хочу написать еще одно заявление – о вступлении в комсомол! – гордо заявила Ганнуся. Петуховы сразу же поднялись, громко зааплодировали.

– Хорошо. – Иван Михайлович довольно улыбнулся. – Такие сознательные граждане нам нужны. Спасибо тебе! Кто еще хочет взять слово? – Он обвел собравшихся придирчивым взглядом.

С места поднялся Михаил Черножуков. Отец дернул его за рукав, но было поздно – сын уже направлялся к столу.

– Не буду многословным, – сказал он, и его растерянный взгляд убежал от пристального родительского. – Имею и надел земли, и хозяйство, но мне совсем не жалко отдать все в коммуну. Я хочу новой, лучшей жизни для себя и своих детей. И меня пишите!

Михаил не видел, как побледнел и тяжело вздохнул Павел Серафимович. Варя испугалась за отца, потому что тот стал похож на натянутую струну, которая может оборваться от малейшего прикосновения. Что будет, если отец вдруг что-то выкинет? Но мужа крепко держала за руку Надежда. Одна она услышала, как из его уст вылетело тихое «Иуда!». Когда возле стола выстроились в очередь желающие писать заявления, Черножуковы молча поднялись и двинулись к выходу. Муж Ольги дернулся, но она так его огрела по спине тяжелым кулаком, что тот смолк и поплелся за женой. За ними пошли те, кто не имел желаний записываться в колхоз. Семейство Черножуковых, попрощавшись, разбрелось по своим домам. Варя молча шла позади родителей.

Морозный воздух немного рассеял туман в Вариных мыслях. В голове вертелась не так выходка брата, как поступок Ганнуси. На душе было грустно и мерзко, будто там постоянно жила холодная и бездушная змея, которую она не замечала. Сейчас змея выползла, скользнув по теплому телу и оставив после себя что-то неприятное, скользкое, грязное.

Село онемело. Уснули синие тени. Только кое-где светились окна, и над хатами прямо в темноту неба тоненькой струйкой вился серый дым. Снег припевал под ногами, и улица вслушивалась в мелодию шагов. Лишь перед своим двором Павел Серафимович остановился, грустно глянул дочке в глаза.

– Вот тебе, доченька, и бусы, и сапожки для подружки, – упрекнул он.

Дочка ничего не ответила. Горло сжало так, что стало трудно дышать. Глаза наполнились слезами, но Варя сдержалась, не расплакалась, лишь молча кивнула. Она почувствовала: где-то за ее плечами притаилась беда, которая ждет своего часа. Варя даже ощутила ее холодное дыхание. Девушка обернулась – сзади никого. Все вокруг дремало под снежной пеленой, и только молчаливые деревья тихо-тихо сеяли серебристым инеем...

Глава 15

Ночь рассыпала по небу пригоршню мерцающих звезд. Среди них застыла молчаливая луна. Ничто не нарушало полной тишины зимней ночи, лишь из конюшни донесся мирный храп лошадей, почуявших во дворе свою хозяйку. Варя улыбнулась про себя: хитрый Буян, надеется получить лакомства. Не до него сейчас. Андрей ждет ее, а на улице трещит мороз. Варя уже и не надеялась, что сможет выйти незамеченной. В родительском доме допоздна горел свет, да и бабушка совсем перепутала день с ночью – с трудом заснула. Варя кошачьей поступью выскользнула на улицу и пошла быстрым шагом. Одно воспоминание об Андрее – и по телу пульсирующими толчками побежала кровь, зашумело в голове, бешено застучало сердце. Еще немножко – и она окажется в объятиях любимого!

– Дорогой! – вылетело тихо из ее уст. – Ты замерз? Господи, у тебя даже брови покрылись изморозью!

– Ерунда! – отозвался Андрей, а Варя глянула в его полные восторга глаза. – Я бы мог тебя ждать до утра, только бы ты пришла!

– Разве я могла не прийти? – нежно произнесла она.

Андрей посмотрел на любимую. В ее взгляде было столько нежности и тепла, что он не сдержался – начал покрывать ее лицо, губы, щеки, волосы, которые выбились из-под платка, пылкими поцелуями. Ее губы будто налиты соблазном, от них нельзя оторваться, ими можно наслаждаться, смаковать, как ключевую воду в полуденную жару.

– Моя дорогая, единственная на всю жизнь, – страстно прошептал юноша, освобождая ее тело от лишней одежды.

– Мой! – ответила она согласием, плотнее прижимаясь к разгоряченному упругому телу. – Только мой! Навеки! До смерти.

Им было тепло и хорошо, потому что они были вместе. Тайная любовь разгоралась с каждым днем все больше. Когда они любили, Варя казалось: еще мгновение – и она вспыхнет огнем, как сухая спичка, но пламя любви лишь согревало влюбленных. Андрей улыбнулся уголками губ, когда заметил, как снежинка присела на покрасневшую щеку девушки и, едва коснувшись ее лица, стала маленькой капелькой.

– Твои губы пахнут подмороженными яблоками, – нежно сказал он.

– Правда? – спросила она. Простой, даже бессмысленный вопрос. Но это ли важно? Только бы слышать его голос, чувствовать на себе такие сильные и в то же время мягкие руки!

– Любимая, милая моя, – нежно говорил юноша. – Когда уже ты поговоришь с родителями? – На его лице отразилась искренняя досада. – Я не хочу прятаться, как воришка. Хочу быть с тобой всегда!

Ее ресницы виновато вздрогнули.

– Я тоже этого хочу, – вздохнула Варя. – Но ты же знаешь, что творится. Родители ходят как с креста снятые. Беда нависла над нами. Люди как будто с ума сошли. Тот агитирует за колхозы, другой – против, прокликает уполномоченного на чем свет стоит.

– Даже драки были, – прибавил Андрей. – Вчера на площади женщины затеяли ссору, орали так, что всех собак напугали. Тогда подтянулись мужики, встряли в грызню. Началась такая драка, что не у одного носы кровью залились. И было бы из-за чего спорить! Никто точно не знает, что будет в этих колхозах, а уже льется кровь. Мне кажется, каждый должен сам решать, как ему быть.

– А наши соседи Петуховы такие гордые стали – ни на какой козе не подъедешь! Мы теперь для них как враги. Вот так бывает, – грустно говорила Варя, – были соседи, а сейчас враги.

– Ступака выбрали председателем колхоза, – сказал Андрей. – Он теперь голенища руководству лижет так, будто сапоги у них сахаром присыпаны.

– И что же дальше будет? – с тревогой спросила Варя.

– Одному всевышнему известно, – ответил парень. – Я написал заявление, потому что заставили. Пришли домой коммунисты: «Пиши», – говорят и бумажки суют под нос. Отвечаю, что подождать хочу, посмотреть, как оно будет. Так Лупиков даже позеленел от злости, достал наган, начал им перед носом матери размахивать. Братья онемели со страху, мать на колени упала перед ними, умоляет не стрелять. Все равно мне терять нечего, кроме нищеты. Жаль мне стало родных. Написал чекист (чтоб ему пусто было!), а я и подписать не умею, так поставил крестик, они и ушли.

– К нам еще не приходили, – заметила Варя.

– Эти собаки ни одной хаты не обходят.

– Что с нами будет? – со страхом произнесла Варя. Она крепче прижалась к парню, будто ища спасения.

– Я знаю одно: мы должны быть вместе. Мне не будет жизни без тебя. Ты это понимаешь? – Он заглянул в ее чистые глаза.

– Не буду больше ждать! – решительно сказала она, не отводя взгляда. – Не хочу больше скрываться, все равно бывшая подружка разнесет по селу о нашей любви, как сорока на хвосте. Пусть лучше от меня родители узнают, чем от предательницы. Кстати, как она?

– Сдружилась с твоими соседями. Слышал от людей, что видели Ганнусю под хмельком с Петуховыми. Кстати, ваш Михаил тоже с ними часто общается.

– Пусть. Мне все равно, – как-то очень грустно произнесла Варя. – Любимый, я тебя не подведу, обещаю! – трогательно сказала девушка. – Ты придешь завтра на наше место, и я расскажу тебе о разговоре с родителями. Хорошо? – Ее лицо озарилось улыбкой, она заглянула любимому в глаза.

– Хорошо, – ответил Андрей. – А если не придешь?

– Разве что цепью свяжут, – улыбнулась Варя. Она помолчала и уже тихо прибавила: – Если завтра не приду, то уже никогда.

– Даже если мы не будем вместе, знай: я буду любить тебя всю свою жизнь, потому что ты и есть моя жизнь. И нет в целом мире лучше тебя!

– Мой дорогой, любимый, самый мой родной! – сказала растроганная девушка. – Все у нас будет хорошо!

Варя искренне верила в свои слова. Лишь когда подошла к своему двору, обернулась. Сзади никого не было, но она хорошо слышала, как кто-то или что-то тяжело вздохнуло.

«Неужели беда дышит мне в спину?» – подумала со страхом.

Девушка опрометью кинулась в хату, заперла дверь, прислушалась. Ей опять показалось, что за дверью, возле крыльца, кто-то несмело топчется. Варя метнулась к образам, на ходу читая «Отче наш». Застыла на коленях перед иконами. Долго просила у святых прощения за свои грехи и молила послать ей хорошую судьбу.

Глава 16

За завтраком, когда вся семья была дома, Варя сказала:

– Папа, мама, мне надо с вами поговорить.

– Так говори же, Ласточка, не красней, – мягко сказал отец и едва заметно улыбнулся в усы.

– Я... я... – начала, запинаясь, Варя, но заранее подготовленные слова застряли костью в горле. Девушка склонила голову, тяжело дышала, но не могла вымолвить и слова. Казалось, что она соткана из одних нервов и навсегда потеряла голос.

– Что-то случилось? – встревожилась мать и глянула на отца.

– Да! – сказала едва слышно дочка. – Я люблю Андрея. Отдайте меня за него, – наконец вымолвила она то, что подготовила.

– За Андрея? – почему-то переспросила мать и опять посмотрела на отца.

Павел Серафимович нахмурил брови, положил свою любимую ложку на стол. В хате воцарилась такая тишина, что, казалось, слышалось тяжелое дыхание взволнованной Вари. Время застыло, а в нем оцепенела в ожидании девушка, которую снова накрыла волна подсознательного страха.

– Не будет этого, – мрачно отозвался отец. Мать замерла с открытым ртом, а Павел Серафимович повторил: – Не будет этого брака.

– Почему?! – не до конца осознавая слова отца, спросила Варя.

– Вчера я разговаривал с Василием. Я договорился с ним о твоей свадьбе. Пойдешь за него, – сказал отец не очень громко, но властно и холодно.

Сразу весь мир для Вари потерял свои краски. На миг ей показалось, что она летит в огромную черную бездну, из которой нет возврата. Она сделала глубокий вдох и несмелым притихшим голосом произнесла:

– Я не пойду за Василия, потому что люблю Андрея.

Отец посмотрел на дочку. В ее глазах застыл густой туман печали.

– Полюбишь Василия, – сказал отец. – Он хороший парень.

– А как же Андрей? – спросила сквозь слезы Варя.

– За хорошим мужем забудешь его.

– Забыть? Как можно? – взволнованно проговорила девушка. – Забыть его – это как вспомнить человека, которого никогда не видел в своей жизни.

Варя так умоляюще, смущенно и растерянно смотрела на отца добрыми глазами, наполненными слезами, что он не выдержал этого взгляда, опустил глаза.

– Папа, не губите меня! – сказала Варя.

– Я беспокоюсь о твоём будущем, – ответил он глухо. – Разве я могу желать тебе зла?

– Тогда зачем же хотите отдать меня за нелюбимого?

– Чтобы твое будущее было хорошим.

– Не может быть добра в мертвом будущем! – выкрикнула Варя. – Я же буду как птичка в клетке!

– Птицы свободны, но и они привыкают к клетке и продолжают жить.

– А я так не хочу! Мама, – обратилась Варя к матери, которая молча вытирала краешком платка слезы, – скажите же вы хоть что-нибудь!

– Я не знаю, – тихо проговорила женщина. – Твой отец – мудрый человек. Наверное, ему виднее, как будет лучше.

– Возможно, Василий и хороший парень, – сказала Варя, – пусть найдет себе другую девушку, но мне он противен.

– Да, Василий – хороший хозяин, – произнес отец. – Он будет о тебе заботиться. К тому же он один у родителей, не богат, но достаток есть. Мы дадим тебе хорошее приданое: коров, лошадей, птицу, землю, к тому же столько полотна мать приготовила: и перина, и подушки, и вышитые полотенца. Что вам еще нужно?

– Так дайте все это нам с Андреем! Он непьющий, работающий, он век меня носить на руках будет! – Варя с надеждой смотрела то на отца, то на мать.

– Мое слово: нет! – прозвучало как приговор.

– Но почему?! – с отчаянием воскликнула Варя.

– Андрей уже вступил в колхоз, поэтому что бы мы тебе ни дали – все пойдет в коммуну. А я этого не допущу! – крикнул отец. – Говоришь, Андрей непьющий? А я хорошо помню его отца-пьяницу. И дед его тоже был любитель в чарку заглянуть, потому и сгорел от водки. Варя, доченька, я не желаю тебе зла, но подумай сама: у него на плечах брата и больная мать. Тебе придется не за своими детьми присматривать, а тянуть на себе целое семейство! А с Василием ты будешь как у Христа за пазухой.

– Да, доченька. – Мать закивала головой. – Отец правду говорит.

Варя поняла, что отец просто так не отступится, да и мать на его стороне. Еще мгновение – и ее взлелеянное в мечтах счастье исчезнет в пропасти навсегда. Нужно что-то делать немедленно, потому что будет поздно! Голову лихорадили мысли, заполняя сознание.

– Как и обещал, – продолжил отец, – отдадим тебе березовую рощу – самое красивое место.

Березовая роща! Действительно, самое лучше, самое милое ее сердцу место. Там она стала женщиной, впервые познав настоящую любовь, почувствовала ее привкус и наслаждение. Нужна ли эта роща, если в ней навсегда поселятся лишь щемящие и болезненные воспоминания?!

– Мне ничего не нужно, – приглушенно произнесла Варя и прибавила: – Кроме Андрея. Только в нем вся моя душа. Как ее вырвать? Заживо, с корнем? А что останется мне? Вы подумали? Как жить с пустотой в душе весь век? – Ее глаза опять затуманили слезы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.